

Учредитель

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ВЕСТНИК
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Председатель
Редакционного совета
Гегин Арутюнян

Издательская группа:
Григг Назарян
Анигг Манаели
Прима Даниелян
Наира Александян
Светла Григорян

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Телефон: 38-81-89

3
2014

СОДЕРЖАНИЕ

* ПКС-1077. ПО ДЕЛУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 2013 ГОДА НОМЕР 62-А “ОБ ИЗБРАНИИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ” НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РА РАФФИ РИЧАРДОВИЧА ОВАННИСЯНА И АНДРИАСА ГУКАСЯНА	3
* ПКС-1081. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 44 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “РЕГЛАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ДЕПУТАТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РА	36
* ПКС-1082. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 51 И ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 54 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА	50
* ПКС-1102. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 26 ЗАКОНА РА “О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ АКТОВ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАО “ЭЙЧ-ЭС-БИ-СИ БАНК АРМЕНИЯ”, “АКБА-КРЕДИТ АГРИКОЛЬ БАНК”, “БАНК ВТБ-АРМЕНИЯ” И “АРЦАХБАНК”	64
* ПКС-1114. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 204.38 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ “ВАНАЗОРСКИЙ ОФИС ХЕЛЬСИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АССАМБЛЕИ”	79
* ПКС-1119. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 73 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ	99
* ПКС-1121. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 17 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА АРТУРА ХАЧАТРЯНА	111

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 2013 ГОДА
НОМЕР 62-А “ОБ ИЗБРАНИИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ” НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ КАНДИДАТОВ
В ПРЕЗИДЕНТЫ РА РАФФИ РИЧАРДОВИЧА
ОВАННИСЯНА И АНДРИАСА ГУКАСЯНА**

г. Ереван

14 марта 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), Ф. Тохяна (докладчик), М. Топузяна, А. Хачатряна (докладчик), В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителей стороны-заявителя: кандидата в Президенты РА Раффи Ричардовича Ованнисяна - К. Межлумяна и З. Постанджян;

стороны-заявителя - кандидата в Президенты РА А. Гукасяна;

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу представителей Центральной избирательной комиссии РА: Председателя Центральной избирательной комиссии РА Т. Мукучяна, секретаря той же

комиссии А. Смбатяна и начальника юридического управления аппарата Н. Ованнисян;

привлеченных в качестве соответчиков представителей Прокуратуры РА: заместителя Генерального прокурора РА А. Тамазяна, начальника Управления по делам коррупции и организованной преступности Генеральной прокуратуры РА К. Пилюяна, старшего прокурора Генеральной прокуратуры РА А. Арутюняна;

представителя Полиции РА при Правительстве РА – начальника Юридического управления Полиции РА Т. Петросяна;

привлеченных к судопроизводству в качестве третьего лица на основании части 5 статьи 74 Закона РА “О Конституционном Суде”: представителей кандидата в Президенты РА С. Саргсяна Д. Арутюняна и Г. Товмасына;

согласно части 5 статьи 51, пункту 3.1 статьи 100, пункту 9 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25 и 74 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по устной процедуре дело “Об оспаривании Постановления Центральной избирательной комиссии Республики Армения от 25 февраля 2013 года номер 62-А “Об избрании Президента Республики Армения” на основании обращений кандидатов в Президенты РА Раффи Ованнисяна и Андриаса Гукасяна”.

Поводом к рассмотрению дела явились зарегистрированные в Конституционном Суде РА 04.03.2013 г. обращения кандидатов в Президенты РА на выборах 18 февраля 2013 г. Раффи Ованнисяна и Андриаса Гукасяна.

Конституционный Суд процедурным решением от 5 марта 2013 года ПРКС-13 принял к рассмотрению дело “Об оспаривании Постановления Центральной избирательной комиссии Республики Армения от 25 февраля 2013 года номер 62-А “Об избрании Президента Республики Армения” на основании обращения кандидата в Президенты РА Раффи Ричардовича Ованнисяна”. Одновременно, руководствуясь частью 4 статьи 74 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, тем же процедурным решением в качестве стороны-ответчика к судопроизводству привлечена Центральная избирательная комиссия РА, в качестве соответчиков привлечены Прокуратура РА, Полиция РА при Правительстве РА. Процедурным решением Конституционного Суда от 5 марта 2013

года ПРКС-14 принято к рассмотрению дело “Об оспаривании Постановления Центральной избирательной комиссии РА от 25.02.2013 г. номер 62-А “Об избрании Президента Республики Армения” на основании обращения кандидата в Президенты РА Андриаса Гукасяна”.

В соответствии со статьей 39 Закона РА “О Конституционном Суде” процедурным решением Конституционного Суда от 5 марта 2013 года ПРКС-14 дела, принятые к рассмотрению на основании обращений кандидатов в Президенты РА Раффи Ованнисяна и Андриаса Гукасяна, соединены для рассмотрения в одном заседании Суда. Одновременно, исходя из необходимости подготовки судебного разбирательства по делу, процедурным решением от 5 марта 2013 года ПРКС-13 истребованы:

а) из Административного суда РА – судебные акты, принятые по поводу поданных заявлений (жалоб) по вопросам выборов Президента РА;

б) из ЦИК РА:

- протокол результатов голосования, составленный в установленном законом порядке;
- решения, принятые по результатам обсуждения заявлений (жалоб), полученных в избирательных комиссиях;
- решения окружных избирательных комиссий о нарушениях, зафиксированных в регистрационных журналах участковых избирательных комиссий в день проведения голосования;
- справка о результатах проведенных пересчетов по конкретным избирательным участкам на основании заявлений (жалоб) кандидатов в Президенты РА, связанных с проведенными 18.02.2013 г. выборами Президента РА;
- решения, принятые по результатам голосования;
- справка о числе членов, представленных разными политическими силами в участковых избирательных участках, председателей комиссий и секретарей, а также о числе доверенных лиц кандидатов в Президенты;

в) из Прокуратуры РА – сводная информация о предпринятых мерах по пресечению избирательных нарушений и по имеющим место случаям, которые связаны с проведенными 18.02.2013 г. выборами Президента РА;

г) из Полиции РА при Правительстве РА - сводная информация о принятых органами полиции мерах по пресечению избирательных нарушений и по имеющим место случаям, которые связаны с проведенными 18.02.2013 г. выборами Президента РА.

Все материалы предоставлены также сторонам судопроизводства в установленном законом порядке.

Процедурным решением Конституционного Суда от 11 марта 2013 г. ПРКС-18 на основании части 5 статьи 74 Закона РА “О Конституционном Суде” на основании своего заявления в качестве третьего лица к судопроизводству привлечен кандидат в Президенты РА на выборах Президента Республики 18 февраля 2013 г. С. Саргсян.

Заслушав сообщение докладчиков по делу, объяснения представителей сторон, соответчиков и третьего лица, изучив и сопоставив представленные ими аргументы, а также исследовав обращения и имеющиеся в деле материалы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Выборы Президента Республики проведены 18 февраля 2013 года – в срок, предусмотренный статьей 51 Конституции Республики Армения. В соответствии со статьей 14 Избирательного кодекса Республики Армения в целях организации голосования и подведения итогов на территории Республики образованы 1988 избирательных участков. В порядке, предусмотренном статьей 17 Избирательного кодекса Республики Армения, в целях организации и проведения выборов на территории Республики образован 41 избирательный округ. В соответствии со статьей 34 того же Кодекса сформирована трехступенчатая система избирательных комиссий: Центральная избирательная комиссия, окружные избирательные комиссии и участковые избирательные комиссии. В рамках предусмотренных законом полномочий весь процесс выборов организовала и контролировала Центральная избирательная комиссия РА.

На выборах Президента РА 18 февраля 2013 года наблюдательскую миссию осуществили 12 международных организаций /632 наблюдателя/, а также 26 местных общественных организаций /6251 наблюдатель/.

В соответствии с требованиями Избирательного кодекса РА на выборах Президента РА 2013 г. в качестве кандидатов были зарегистри-

рованы и включены в бюллетени Багратян Грант Араратович, Айрикян Паруйр Аршавирович, Ованнисян Раффи Ричардович, Гукасян Андриас Маратович, Меликян Арман Варданович, Саргсян Серж Азатович, Седракян Вардан Жоржикович.

2. 25 февраля 2013 года Центральная избирательная комиссия РА подвела итоги выборов Президента РА 18 февраля 2013 года. Согласно протоколу результатов голосования на выборах Президента Республики, представленному в Конституционный Суд Центральной избирательной комиссией РА, общее число бюллетеней, в которых избиратели проголосовали за 7 включенных в бюллетени кандидатов, составило 1.468.864, которое распределилось между кандидатами в Президенты РА в следующей пропорции: Грант Багратян – 31.643 голоса, Паруйр Айрикян – 18.096 голосов, Раффи Ованнисян – 539.693 голоса, Андриас Гукасян – 8.329 голосов, Арман Меликян – 3.520 голосов, Серж Саргсян – 861.373 голоса, Вардан Седракян – 6.210 голосов.

На основании вышеупомянутых результатов и руководствуясь пунктом 1 части 1 статьи 91 и частью 1 статьи 92 Избирательного кодекса РА, Центральная избирательная комиссия РА приняла свое Постановление от 25 февраля 2013 г. номер 62-А, согласно которому Серж Азатович Саргсян избран Президентом Республики Армения.

3. Обращаясь в Конституционный Суд, заявители находят, что необходимо признать недействительным Постановление Центральной избирательной комиссия РА от 25 февраля 2013 г. номер 62-А. Из заявителей кандидат в Президенты РА Раффи Ованнисян находит также, что необходимо признать его избранным или признать недействительными результаты проведенных 18 февраля 2013 г. выборов Президента Республики.

Заявитель - кандидат в Президенты РА Раффи Ованнисян, ссылаясь на ответное письмо Президента РА музыканту из армянской диаспоры Сержу Тангяну, на предварительный доклад от 19.02.2013 г., а также промежуточные доклады ОБСЕ/БДИПЧ относительно состоявшихся 18 февраля 2013 года выборов Президента РА, интервью с некоторыми губернаторами и мэрами и информацию об отставке не-

которых из них, находит, что предусмотренная статьей 5 Конституции система разделения и баланса властей либо фактически не существует, либо она отождествляется с институтом Президента РА. Согласно заявителю, во многих случаях 1600 избирательных штабов кандидата в Президенты РА - действующего Президента РА действовали в органах государственного управления или местного самоуправления, а системы государственного управления и местного самоуправления в ходе выборов Президента РА превратились в избирательные механизмы.

Рассмотрев отдельные анализы и внеочередной промежуточный доклад ОБСЕ/БДИПЧ от 02.03.2013 г. относительно состоявшихся 18 февраля 2013 года выборов Президента РА, по его мнению, под влиянием ряда имевших место правонарушений и различных иных обстоятельств, к каковым относятся быстрое исчезновение чернильной печати, которую ставят в паспорте, и возможность ее удаления с помощью обычной бумаги, случаи голосования вместо другого лица, включая отсутствующих из республики, и случаи наполнения, большое количество недействительных бюллетеней, отсутствие на одном участке недействительных бюллетеней, а на другом — наличие 337 недействительных бюллетеней, заявитель Раффи Ованнисян высказывает сомнение относительно чересчур большого, по его мнению, числа избирателей на некоторых участках и констатирует, что на всех тех участках, на которых число участвующих избирателей превысило средний зафиксированный по республике показатель, согласно официальным результатам, с большим преимуществом победил действующий Президент, причиной чего, согласно заявителю, стало положение, закрепленное в части 1 статьи 11 Избирательного кодекса РА, по которому запрещено оглашение подписанных избирателями списков, а также субъективное вмешательство.

В обоснование своего заявления заявитель, в частности, представил также следующие аргументы:

- кандидат в Президенты РА - действующий Президент РА подлежащие декларированию расходы в агитационных целях сделал не из предвыборного фонда;
- сумма подлежащих декларированию расходов кандидата в Президенты РА - действующего Президента РА, произведенных в агитационных целях, превысила максимально допустимую границу;

- общее число предвыборных агитационных плакатов кандидата в Президенты РА - действующего Президента РА превысило 1600, так как они были расклеены не только с наружной, но и с внутренней стороны выборных штабов;
- арендная плата за выборные штабы кандидата в Президенты РА - действующего Президента РА как за территорию, предназначенную для агитации, должна была входить в расходы на агитацию, однако постановлением ЦИК РА она была удалена из списка расходов, между тем как относительно этого есть промежуточный доклад от 19.02.2013 г., а также промежуточные внеочередные доклады ОБСЕ/БДИПЧ от 02.03.2013 г. относительно состоявшихся 18 февраля 2013 года выборов Президента РА;
- Центральная избирательная комиссия РА, согласно заявителю, проявила бездействие: не рассмотрела вышеуказанные аргументы и не обратилась в суд для признания регистрации кандидата в Президенты РА утратившей силу, вместо этого 25.02.2013 г. приняла Постановление номер 60-А, которым, согласно заявителю, попыталась оправдать свое бездействие;
- избирательные комиссии проявили бездействие, по собственной инициативе не сделали пересчет ни на одном участке, около 125 заявлений заявителя о признании итогов выборов на участках недействительными были отклонены.

Обращение, представленное кандидатом в Президенты РА Раффи Ованнисяном в Конституционный Суд РА, состоит из 16 страниц. На первых 5 страницах, которые содержат “Обобщенную оценку выборов” плюс 11 ссылок на приложенные материалы, представлены аналитические замечания относительно предполагаемых избирательных нарушений. Вторая часть, озаглавленная “Аргументы и правовое обоснование обращения”, в пределах 3.5 страниц содержит выдержки из соответствующих правовых актов. На следующих 6 страницах изложены аргументы, которые были представлены в Административный суд РА, рассмотрены в рамках компетенции последнего и 04.03.2013 г. вынесено окончательное решение номер N4/1423/05/13, по которому иск признан безосновательным и подлежащим отклонению. На последней странице вышеупомянутого обращения представлена просьба заявителя и приведен список приложенных материалов (квитанция об оплате государственной пошлины, доверенность, копии

паспортов заявителя и представителя, копия лицензии, печатные публикации, видеозаписи, фотографии и другие материалы на электронных носителях – численностью 24).

Около 40 процентов приложенных к обращению материалов – это постановления различных избирательных комиссий, 18 процентов – адресованные избирательным комиссиям заявления, около 24 процентов – информация с различных сайтов, около 7 процентов – доклады организаций, осуществлявших наблюдательную миссию за ходом выборов, оставшиеся 11 процентов – иные материалы. На этапе судебного рассмотрения спора в связи с постановлением, принятым по результатам выборов Президента РА, заявитель, за исключением двух копий фотографий, не представил в Конституционный Суд никаких дополнительных материалов.

4. Заявитель, кандидат в Президенты РА А. Гукасян, ссылаясь на два заявления кандидата в Президенты РА, действующего Президента РА С. Саргсяна - одно относительно ответного письма музыканту из армянской диаспоры Сержу Тангяну, второе – по поводу ответа на заданный журналистом вопрос в г. Гюмри, находит, что в ходе выборов Президента РА трехступенчатая система избирательных комиссий РА находилась под руководством действующего Президента РА, и последний как кандидат в Президенты РА изначально имел рычаги для обеспечения любых результатов голосования.

Заявитель выражает свое сомнение относительно слишком высокого, по его мнению, показателя участия в голосовании на 576 избирательных участках и находит, что указанный факт существенно повлиял на общие итоги выборов.

В обоснование своего обращения заявитель, в частности, представил также следующие аргументы:

- на 414 избирательных участках число участников выборов превысило число конвертов установленного образца, находящихся в ящике для голосования, на 1729;
- на 469 избирательных участках из ящиков для голосования было извлечено общим числом на 1883 бюллетеня меньше;
- вышеприведенные несоответствия не были указаны в итоговых протоколах результатов голосования на избирательных участках;

- Центральная избирательная комиссия РА проявила бездействие, так как игнорировала вышеприведенные факты.

Обращение кандидата в Президенты РА А. Гукасяна состоит из 7 страниц, в котором, представляя свои подходы и беспокойство по поводу независимой и объективной деятельности избирательной системы, заявитель в основном анализирует результаты голосования по избирательным участкам и делает вытекающие из этого заключения.

В ходе рассмотрения дела кандидат в Президенты РА А. Гукасян отметил также, что в основе его аргументов главным образом лежат не вопросы защиты его субъективного избирательного права, а задача системных конституционно-правовых реформ, что может стать важной гарантией для повышения общественного доверия к избирательным процессам.

Заявители в своих объяснениях подняли также вопросы о законности участия лиц, занимающих государственную должность, в избирательных процессах, порядке составления списков избирателей и оглашении подписанных списков избирателей, представлении стороне-заявителю данных граждан, временно отсутствующих из республики, признании в судебном порядке регистрации кандидата в Президенты РА С. Саргсяна утратившей силу. Заявители обратились также к вопросам о независимости Центральной избирательной комиссии РА, правовом содержании конструктивных взаимоотношений между этой Комиссией и Президентом РА, а также об оценке эффективности деятельности правоохранительных органов по обеспечению законности в ходе всего избирательного процесса.

5. Сторона-ответчик, не соглашаясь с аргументами заявителей относительно удовлетворения представленных в обращении требований, находит, что Постановление ЦИК РА от 25.02.2013 г. номер 62-А правомерно, вынесено с полным соблюдением требований Избирательного кодекса Республики Армения, а трехступенчатые избирательные комиссии были сформированы и действовали в рамках полномочий и порядке, установленных Избирательным кодексом РА.

Обращаясь к поднятому кандидатом в Президенты РА Раффи Ованнисяном вопросу об участии лиц, занимающих государственную должность, в избирательных процессах, сторона-ответчик, приняв за основание часть 6 статьи 18, статью 22 Избирательного кодекса РА,

отмечает, что должностные лица с учетом установленных Избирательным кодексом РА ограничений свободны в осуществлении предвыборной агитации.

Сторона-ответчик отметила также, что в промежуток времени с 21 января по 18 февраля 2013 года Национальная комиссия по телевидению и радио (НКТР) не получила от кандидатов в Президенты Республики, а также от государственных органов, общественных и международных организаций, средств информации, граждан ни одного заявления (жалобы) относительно предвыборной агитации. В дни предвыборной агитации (21.01.13-16.02.13 гг.), а также в дни “тишины” и выборов Президента Республики Армения 18 февраля 2013 года до 20.00 часов не было зафиксировано нарушений требований Избирательного кодекса Республики Армения и Закона Республики Армения “О телевидении и радио”.

Обращаясь к поднятому заявителем вопросу относительно размещения штабов кандидата в Президенты РА - действующего Президента РА, сторона-ответчик, ссылаясь на часть 5 статьи 18 Избирательного кодекса РА, предварительных докладов ОБСЕ/БДИПЧ от 19.02.2013 г. относительно предварительных выводов и заключений по выборам, констатирует, что даже при таких обстоятельствах представленные суждения не соответствуют тому источнику, на который ссылается заявитель, так как в представленном заключении указано: **несколько случаев размещения предвыборных штабов в зданиях, занимаемых государственными органами и органами местного самоуправления.** Сторона-ответчик, констатируя, что об указанных случаях не было представлено ни одного заявления (жалобы), тем не менее утверждает, что ЦИК РА Постановлением от 07.02.2013 г. номер 42-А по собственной инициативе возбудил административное производство, провел слушания по административному производству, на которые также был приглашен уполномоченный представитель заявителя, и в результате 11.02.2013 г. вынес Постановление номер 49-А.

В связи с вопросом составления списков избирателей сторона-ответчик, ссылаясь на статью 2, часть 1 статьи 7, часть 1 статьи 8 Избирательного кодекса РА, констатирует, что принципы составления списка избирателей, весь порядок его составления и ведения подробно регламентированы Избирательным кодексом РА, а что касается концептуальных предложений заявителя в связи с составлением спис-

ка избирателей по иному принципу, то сторона-ответчик находит, что обсуждение предложений относительно законодательных изменений не входит в рамки предмета рассмотрения по настоящему делу.

В связи с поднятым заявителем вопросом о неэффективности и абсолютной невозможности борьбы с избирательными фальсификациями в результате ограничений опубликования списков избирателей, ссылаясь на часть 1 статьи 11, статьи 31, 33, 48 Избирательного кодекса РА, стандарты, разработанные Европейской комиссией “За демократию через право” Совета Европы (Венецианская комиссия) и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, на подпункт (с) пункта 4 (тайное голосование) документа Венецианской комиссии Евросовета от 30.10.2002 г. (CDL-AD (2002) 23) “Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы и пояснительный доклад”, на совместное заключение Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ и Венецианской комиссии от 3 февраля 2010 г. CDL-EL (2010) 003, доклад от 22 декабря 2010 г. CDL-AD (2010) 043, Документ ОБСЕ/БДИПЧ относительно мониторинга за процессом регистрации избирателей CDL-EL (2009) 015, правовые позиции Конституционного Суда РА, сторона-ответчик находит, что заявитель не имел никаких препятствий, чтобы ознакомиться со списками, подписанными избирателями, и сделать из них выписки.

Обращаясь к поднятому стороной-заявителем вопросу о представленном в ЦИК 25.02.2013 г. заявлении, в котором требовалось, чтобы Центральная избирательная комиссия обратилась в суд с требованием о признании регистрации кандидата в Президенты РА Сержа Саргсяна утратившей силу, сторона-ответчик констатирует также, что в результате рассмотрения указанного заявления ЦИК 25.02.2013 г. вынесла Постановление номер 60-А, которое было оспорено в Административном суде, и есть окончательный судебный акт суда, по которому Постановление ЦИК номер 60-А было признано правомерным.

В аспекте институтов защиты избирательных прав, каковыми являются пересчет результатов голосования на избирательном участке, признание недействительными результатов голосования на избирательном участке, сторона-ответчик констатирует, что все представленные заявления в соответствии с требованиями статей 45, 46 и 47 Избира-

тельного кодекса Республики Армения были рассмотрены Центральной избирательной комиссией Республики Армения и вынесены соответствующие решения, выданы письменные ответы. Заявители были надлежащим образом оповещены о дне и часе рассмотрения заявлений, а решения, вынесенные в результате рассмотрения заявлений, в установленном порядке направлены заявителям и опубликованы на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Республики Армения.

Согласно стороне-ответчику:

- в ходе организации выборов, до дня голосования в окружные избирательные комиссии не было подано ни одного заявления или жалобы;
- в день голосования только в одну из 41 окружной избирательной комиссии – в окружную избирательную комиссию номер 28 поступило одно заявление относительно неточности в списке избирателей, на которое было отвечено от имени председателя комиссии, и одно сообщение в ТИК номер 29, по которому вынесено соответствующее решение;
- после дня голосования на выборах Президента Республики, кроме заявлений, уже представленных относительно признания итогов голосования недействительными и их пересчета, только в окружную избирательную комиссию номер 17 поступило 7 заявлений, которые в установленном порядке были рассмотрены окружной избирательной комиссией. Окружная избирательная комиссия номер 17 в порядке переадресации из Центральной избирательной комиссии получила и рассмотрела одно заявление, представленное местной общественной организацией, осуществляющей наблюдательную миссию;
- Центром ситуационного анализа, особенно в день голосования, была изучена информация, предоставленная электронными сайтами (panorama.am, news.am, hra.am, lurer.com, asparez.am, ilur.am, haynews.am, aravot.am, lin.am, tert.am, slaq.am, galatv.am и др.) и средствами массовой информации, установлена достоверность информации, по 65 публикациям даны разъяснения или предоставлена информация, а в случае подтверждения фактов нарушения комиссией незамедлительно предприняты соответствующие мероприятия для предотвращения нарушений и устранения последствий;

- из 1988 участковых избирательных комиссий только в регистрационных журналах 40 участковых избирательных комиссий, согласно порядку, установленному частью 6 статьи 66 Избирательного кодекса Республики Армения, были сделаны записи;
- в ходе подготовки и проведения выборов Президента Республики 18 февраля 2013 года до подведения итогов выборов относительно обжалования решений, действий (бездействия) избирательных комиссий в Административный суд Республики Армения было подано три исковых заявления, в связи с которыми вынесено три судебных акта Административного суда номер N4/0094/05/13, N4/0359/05/13, N4/0377/05/13 об отклонении исков;
- после подведения итогов выборов Президента Республики в Административный суд РА представлено еще два исковых заявления, относительно которых вынесено два судебных акта Административного суда номер N4/1423/05/13 и N4/1606/05/13 об отклонении исков.

Обращаясь к материалам, представленным в Конституционный Суд, сторона-ответчик констатирует, что они представляют собой корреспонденцию, взятые с различных электронных сайтов материалы, которые не имеют никакого доказательного значения и вообще не могут являться предметом рассмотрения в Конституционном Суде.

Обращаясь к подянтому заявителем - кандидатом в Президенты РА А. Гукасяном вопросу о высоком проценте участия на некоторых участках и высоком проценте голосов, полученных кандидатом в Президенты РА С. Саргсяном, сторона-ответчик находит, что отделять эти участки от других участков только потому, что один из кандидатов на этих участках получил более 64 процентов голосов, нелогично. Согласно стороне-ответчику, разделение участков на основании только цифровых показателей и выдвижение гипотезы, что Центральная избирательная комиссия в вопросе достоверности итогов выборов на этих участках должна иметь особую уверенность, нелогично. Согласно ответчику, заявитель сделал цифровые заключения, исходя из субъективного подхода, что не отражает всей картины, а также в заявлении не было ни одного факта, на основании которого можно было бы поставить под сомнение итоги голосования на указанных участках.

В связи с теми участками, где в голосовании приняли участие все избиратели, сторона-ответчик аргументирует, что все 6 избирательных участков, где явка избирателей составила 100 процентов, являются избирательными участками, сформированными в уголовно-исполнительных учреждениях, где, как правило, участвуют все избиратели, и общее число избирателей на таких избирательных участках составляет 248 человек, в среднем по 40 избирателей. Один из 5 избирательных участков, где явка избирателей превысила 95 процентов и где зарегистрирован самый высокий процент участия – 98.44%, также является избирательным участком, сформированным в уголовно-исполнительном учреждении, а остальные участки представляют собой малочисленные сельские общины.

Согласно ответчику, в заявлении указаны участки, явка избирателей на которых составляет 63 и более процентов, и если согласно этой логике выделить все такие участки, то по итогам голосования на 61 из этих участков победил кандидат, занявший второе место, и, согласно логике заявителя, итоги голосования на данных участках нужно поставить под сомнение, независимо от того, какой из кандидатов получил больше голосов, что согласно стороне-ответчику, является необъяснимым подходом.

Сторона-ответчик также констатирует, что со стороны кандидата в Президенты РА А. Гукасяна не было попытки оспорить итоги голосования на участках и в заявлении нет никаких фактов или доказательств недостоверности результатов голосования на каком-либо из участков, однако в заявлении прозвучала мысль, что в значительной части избирательных участков результаты голосования противоречат реальности, и что вся трехступенчатая система избирательных комиссий проявила бездействие, что, по мнению стороны-ответчика, безосновательно.

6. Соответчики, представители Прокуратуры РА констатируют, что в ходе предвыборной агитации случаев преступлений, связанных с избирательным процессом, кроме покушения на кандидата в Президенты РА П. Айрикяна, не было. В ходе предвыборной агитации органами прокуратуры в связи с избирательными нарушениями ход был дан 88 сообщениям, заявлениям и публикациям, которые, однако, не содержали признаков какого-либо преступления. Экземпляры реше-

ний органов предварительного следствия относительно сообщений, заявлений и публикаций об избирательных нарушениях, допущенных в ходе предвыборной агитации, были направлены их авторам, и ни одно из указанных решений не было обжаловано.

Касательно следующего этапа избирательного процесса – голосования прокуратурой был дан ход 159 сообщениям, заявлениям и публикациям, возбуждено 12 уголовных дел, 4 уголовных дела с обвинительным заключением направлены в суды.

Оценивая полную картину правонарушений в ходе избирательного процесса, представители Прокуратуры РА констатируют, что, по сути, нарушения, зафиксированные в ходе всего избирательного процесса, не носили массового и системного характера, а имевшие место факты преступления являются единичными и необусловленными друг другом случаями.

7. В заключении, представленном соответчиком - Полицией РА при Правительстве РА в связи с приложенными к заявлению материалами, констатируется, что представленная в заявлениях информация “... в аспекте содержания в основном носит обобщенный характер, связанные с выборами различные обстоятельства без каких-либо четких аргументов представляются сомнительными, анализ носит субъективный характер, а отдельные ситуации хода выборов толкуются как правонарушения с точки зрения личного восприятия, не имея каких-либо четких обоснований”. Аргументируется также, что сигналы относительно избирательных нарушений и их изучение свидетельствуют, что они не носили массовый и системный характер, одновременно их большая часть была необоснована и неаргументирована.

Обращаясь к представленной в заявлениях кандидатов в Президенты РА информации, в том числе в видеозаписях, представитель Полиции РА находит, что часть информации в аспекте содержания в основном имеет обобщенный характер, представлена без каких-либо четких аргументов, анализ носит субъективный характер и толкуется с точки зрения личного восприятия. В плане другой части представленной информации по 13 из 19 правонарушений полиция уже провела и продолжает проводить расследование. По 8 из указанных 13 случаев вынесены решения об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовные дела, возбужденные по 2 из них, с обвинительным заклю-

чением направлены в суды, подготовленные по 2 случаям материалы направлены в Специальную следственную службу РА, а по 1 случаю продолжается подготовка материалов. Относительно оставшихся 6 случаев в подразделения Полиции РА не поступило никакого сигнала. Тем не менее в связи с указанными 6 случаями соответствующим подразделениям полиции поручено провести проверки и разрешить дальнейший ход в установленном законом порядке.

8. Привлеченные в качестве третьего лица по делу представители кандидата в Президенты РА С. Саргсяна, обращаясь к аргументам стороны-заявителя, во-первых, констатировали, что в 1884 (95%) из 1988 участковых избирательных комиссий партия “Наследие” имела выдвинутых членов, 38 из которых в день голосования не явились, в 108 - имела председателей участковых избирательных комиссий, в 104 – секретарей участковых избирательных комиссий. Только на 79 участках (3.9%) не было одновременно члена комиссии, выдвинутого партией “Наследие”, и доверенного лица кандидата в Президенты РА Р. Ованнисяна.

Было представлено 120 заявлений о признании недействительными итогов голосования на избирательных участках, которые, по оценке представителей третьего лица, не являются надлежащими заявлениями. Тем не менее констатируется, что если даже гипотетически признать, что все 120 заявлений о признании недействительными итогов голосования на избирательных участках обоснованы, то даже в случае признания недействительными итогов голосования на этих избирательных участках голоса, поданные за кандидата в Президенты РА Р. Ованнисяна, составили бы 37.85 процента, а голоса, поданные за кандидата в Президенты РА С. Саргсяна – 57.46 процента, то есть итоги голосования фактически не изменились бы.

Одновременно привлеченные в качестве третьего лица по делу представители кандидата в Президенты РА С. Саргсяна, в противоположность представленному заявителем табулированию по разным критериям результатов голосования на избирательных участках и сделанным из этого заключения, представили аналогичный, сделанный ими по разным критериям анализ. В частности, отделив все те участки, где председателями или секретарями в участковых избирательных комиссиях были лица, выдвинутые партиями “Наследие” или Армя-

нская Революционная Федерация “Дашнакцутюн”, и сопоставив результаты голосования на этих участках, посчитали очевидным, что они существенно не отклоняются от общих и официальных окончательных итогов выборов.

9. Конституционный Суд РА в рамках рассмотрения по настоящему делу считает необходимым, в частности, учесть:

- требование статьи 5 Конституции РА, согласно которому “государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица правомочны совершать только такие действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами”;
- правовые рамки полномочия, установленного пунктом 3.1 статьи 100 Конституции, согласно которому **Конституционный Суд в установленном законом порядке разрешает споры, связанные с решениями, принятыми по результатам выборов Президента Республики;**
- особенности, предусмотренные статьей 74 Закона РА “О Конституционном Суде” относительно процессуального порядка рассмотрения и решения подобных споров.

Относительно конституционно-правового содержания и рамок полномочия, установленного пунктом 3.1 статьи 100 Конституции, Конституционный Суд РА выразил свои четкие правовые позиции в пунктах 12 и 13 Постановления от 8 марта 2008 г. ПКС-736, а также в пунктах 6 и 7 Постановления от 31 мая 2012 г. ПКС-1028.

В частности, Конституционный Суд РА в Постановлении от 8 марта 2008 г. ПКС-736 констатировал: “На основании конституционных изменений по результатам референдума от 27 ноября 2005 г. Конституционный Суд согласно пункту 3.1. статьи 100 Конституции РА решает спор в связи с принятым по результатам выборов решением. Правовая обоснованность решения ЦИК РА по результатам выборов Президента Республики может быть оспорена в Конституционном Суде с двух точек зрения: как на основании соблюдения установленного порядка (процедуры) его принятия - требуемой законом формы (формальные основания), так и на основании предполагаемых ошибок применения норм материального права, которыми Центральная избирательная комиссия, обобщая результаты выборов, пришла к ошибочному заключению относительно факта избрания или неизбрания кандидатов (материаль-

ные основания)”.

В Постановлении от 31 мая 2012 г. ПКС-1028 Конституционный Суд РА, во-первых, констатировал, что “изменения правового регулирования избирательных процессов в Армении за последние годы внесли заметный вклад в область судебной защиты избирательного права, что, однако, пока еще должным образом не воспринято правосубъектами, участвующими в избирательном процессе”. Затем обозначил, что “для эффективной судебной защиты избирательного права необходимо:

а/ учитывать требование статьи 5 Конституции РА, согласно которому каждый орган правомочен совершать только такие действия, на которые он уполномочен Конституцией или законами;

б/ четко представлять рамки правомочий каждой судебной инстанции;

в/ в порядке и сроки, установленные законом, осуществлять мероприятия по защите избирательного права в том суде, который имеет соответствующее правомочие;

г/ учитывать, что по вопросам судебной защиты избирательного права Конституционный Суд РА не является вышестоящим судом по отношению к другим судам, а осуществляет данное ему Конституцией конкретное полномочие;

д/ споры в связи с решениями, принятыми по итогам выборов, не могут рассматриваться как споры о конституционности правовой нормы, так как для решения последних предусмотрены иные конституционно-правовые требования и процедуры”.

Конституционный Суд также констатировал, что “по законодательству РА Конституционный Суд не правомочен делать предметом рассмотрения все те вопросы, которые изначально должны рассматриваться и получать правовое разрешение в Административном суде РА, решения которого по этим вопросам ... окончательны и не подлежат пересмотру”.

Изменением полномочия Конституционного Суда в связи с избирательными правоотношениями обусловлено также то обстоятельство, что если до 2005 года Конституцией РА не было предусмотрено временных ограничений для рассмотрения подобных вопросов, то в результате конституционных изменений часть 5 статьи 51 Конституции строго ограничила срок, предусмотренный для рассмотрения споров

по основаниям пункта 3.1 статьи 100, и исходя из характера вышеупомянутого полномочия, предусмотрен десятидневный срок. То есть ограничение этого срока обусловлено изменением полномочия Конституционного Суда по избирательным спорам, в соответствии с которым был предусмотрен более узкий круг имеющих правовое значение вопросов, подлежащих установлению.

Заявители по настоящему делу в ходе всего избирательного процесса, а также при обращении в Конституционный Суд не только должны были учесть правовые позиции относительно данного вопроса, выраженные в вышеупомянутых Постановлениях, а также в Постановлении Конституционного Суда от 5 мая 2012 года ПКС-1027, но и иметь в виду в системной целостности и взять за основание:

1) требования статей 5 (часть 2), 51 (часть 5), 94 (часть 3), 100 (пункт 3.1) и 101 (часть 1, пункт 9) Конституции РА;

2) требования статьи 74 Закона РА “О Конституционном Суде” в системной целостности и взаимосвязи с другими положениями Закона;

3) требования Избирательного кодекса РА, в частности части 12 статьи 37, частей 1, 3, 5, 7, 8 и 9 статьи 46, части 1 статьи 48, части 6 статьи 66, статьи 91, а также всей главы 25 Кодекса административного судопроизводства РА.

Рассмотрение дела свидетельствует, что эти требования заявителями в основном были проигнорированы или не были реализованы правомерным образом и в соответствии с порядком и сроками, установленными законом. Очевидным стало и то, что заявители должным образом не представляют установленный в результате конституционных изменений 2005 года новый порядок судебной защиты избирательного права и предоставленное Конституционному Суду пунктом 3.1 статьи 100 Конституции полномочие, не дифференцируя порядок и особенности осуществления полномочий по “оспариванию постановления, принятого по итогам выборов” и “оспариванию итогов выборов”.

Причем статья 91 Избирательного кодекса РА четко устанавливает также, в каком порядке подводятся итоги выборов и какое постановление принимается, которое может быть оспорено в Конституционном Суде. Учитывая положения, закрепленные статьей 91 и частью 6 статьи 75 Избирательного кодекса РА, а также требования пункта 3.1 статьи 100 Конституции РА, статьи 74 Закона РА “О Конс-

титуционном Суде”, по спорам в связи с постановлением Центральной избирательной комиссии РА Конституционный Суд устанавливает, на самом ли деле во время принятия этого постановления в соответствии с установленной законом процедурой имели место и учитывались:

- а/ составленный в установленном законом порядке протокол относительно результатов голосования;
- б/ решения касательно избирательных процессов в рамках компетенции Административного суда;
- в) решения, принятые по результатам рассмотрения полученных в избирательных комиссиях заявлений (жалоб);
- г) решения окружных избирательных комиссий относительно нарушений, констатированных в журналах регистраций участковых избирательных комиссий в день голосования;
- д) решения, принятые относительно результатов голосования.

Помимо этого, исходя из требований части 13 статьи 74 Закона РА “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд выясняет также обстоятельства безосновательного отказа компетентной избирательной комиссией в обсуждении (рассмотрении) жалоб относительно выборов, представленных в установленном законом порядке, необсуждения (нерассмотрения) подобных жалоб в установленные сроки и отказа или уклонения от обсуждения (рассмотрения).

Таким образом, определенная законодательством задача Конституционного Суда в том, чтобы как суд права (а не факта) оценивать, насколько правомерно вынесенное Центральной избирательной комиссией окончательное постановление, принимая во внимание вышеперечисленные обстоятельства, имеющие правовое значение.

Конституционный Суд РА не компетентен и не может взять на себя переисполнение в 10-дневный срок полномочий и обязанностей участвующих в избирательном процессе в установленном законом порядке и с соответствующими полномочиями политических сил и представляющих их или выдвинутых ими десятков тысяч правосубъектов, избирательных комиссий, других судов, которые по должности обязаны были в установленном Избирательным кодексом РА порядке и в конкретные сроки совершить соответствующие действия. Своевременное неисполнение или ненадлежащее исполнение этих действий в касающейся их части

представители заявителя стремились восполнить неправомерными или практически нереализуемыми ходатайствами, создавая в обществе впечатление, что Конституционный Суд якобы мог, однако не пожелал осуществить то, что они обязаны были осуществить своевременно и в рамках предоставленных им законом полномочий и представить в Конституционный Суд обращение, обоснованное имеющими доказательственное значение правовыми аргументами.

Правовой основой решения Конституционного Суда может служить исключительно сопоставительная оценка совокупности имеющих доказательственное значение правовых фактов, сложившихся в результате правомерных действий указанных субъектов. Таково требование Конституции РА и Закона РА “О Конституционном Суде”.

10. Конституционный Суд находит также, что с конституционно-правовой точки зрения сложившаяся в стране предвыборная и поствыборная ситуация не может быть предметом рассмотрения лишь в рамках непосредственного сопоставления имеющих доказательственное значение правовых фактов. Есть также реалии, которые, касаясь основополагающих конституционных принципов, гарантирования верховенства и непосредственного действия Конституции, нуждаются в равноценных правовых позициях.

Конституционный Суд РА прежде всего констатирует тот факт, что особенно прежние решения суда по результатам общереспубликанских выборов, насколько бы в правовом аспекте ни были обоснованы и аргументированы, содержали основополагающие правовые позиции, тем не менее определенными слоями общества не были восприняты однозначно. Причина этого не только в существующем уровне правосознания, правовой и политической культуры, но и в той объективной реальности, что данное восприятие в первую очередь является отражением недоверия к политическому режиму и властям страны, что пока еще не преодолевается. Проблема требует таких политико-правовых решений, которые путем эффективной реализации основополагающих конституционных принципов существенно укрепят гарантии стабильного развития и степень общественного доверия.

Действительность также в том, что при любых результатах нынешних выборов уже у более половины парламентских политических сил, которые также имеют право и обязанность быть участником организации и осуществления избирательного процесса, сложилась атмосфера недоверия к ним. Факт также, что 2/3 кандидатов вместе не набрали более 5 процентов голосов избирателей. Число признанных недействительными избирательных бюллетеней с различными записями существенно превышает голоса, полученные более чем половиной кандидатов. Это реалии, которые также являются отражением равноценных социальных ожиданий и создают соответствующее отношение к правовым процессам.

Следовательно, Конституционный Суд находит, что задача не только в оценке фактических обстоятельств в рамках предмета спора, но и в возможном раскрытии создавшейся ситуации и ее конституционно-правовых причин и в выражении равноценных этому правовых позиций с точки зрения конституционной аксиологии, к чему обратились также в процессе судебного разбирательства по данному делу.

Глубинные причины подобного общественного недовольства, обусловленного избирательными процессами, с точки зрения конституционно-правовых оценок более глубокие. Они в ощутимой мере обусловлены теми тенденциями сращения на протяжении десятилетий политического, экономического и административного потенциала страны, когда возникает угроза искажения основополагающих конституционных ценностей и принципов, в частности принципа разделения и баланса властей. Конституционный Суд РА еще в Постановлениях от 10.06.2007 г. ПКС-703 и от 08.03.2008 г. ПКС-736 выразил ту правовую позицию, что согласно закрепленным в статьях 2 и 4 Конституции РА основополагающим принципам для правового государства исходным является обеспечение в избирательных процессах таких законодательных и структурных гарантий верховенства политических интересов общества, **которое исключит какую-либо возможность непосредственного сплетения политических и деловых интересов в деле формирования представительных органов власти, наделенных первичным мандатом.** Эта правовая позиция, которая на предыдущих выборах была выражена также международными наблюдателями, пока еще не удостоилась должного внимания в процессе реформы Избирательного кодекса РА и всей правовой системы, в част-

ности также в аспекте гарантирования полного исполнения требований статей 65 и 67 Конституции РА. Это может существенно способствовать нормальному развитию политических структур в стране, эффективному осуществлению конституционных функций институтов государственной власти, а также укреплению общественного доверия к избирательной системе и конкретному избирательному процессу.

Конституционный Суд находит, что лишь в условиях улучшения избирательных технологий и даже их возможного безупречного применения будет трудно надеяться на коренное изменение ситуации. Учитывая это обстоятельство, Конституционный Суд РА еще в Постановлении от 8 марта 2008 г. ПКС-736 констатировал: “Из основополагающих принципов основ конституционного строя Конституции РА следует, что в Республике Армения выборы должны стать фактором преодоления политических конфликтов и укрепления основ государственного строя. В действительности поствыборные процессы более обостряют и политический, и общественный конфликт, ставя под угрозу такие демократические ценности, как толерантность, плюрализм, сотрудничество, общественное доверие, цивилизованный диалог. Подобная ситуация является также требующей конституционно-правовых решений проблемой, к которой не раз обращался Конституционный Суд РА в своих постановлениях, а также в годовых сообщениях 2006 и 2007 годов”.

Конституционный Суд РА находит, что только надлежащая оценка этой реальности и вытекающие из этого практические выводы могут способствовать формированию равноценной объективной ситуации политико-правовой повестки, нормальному развитию страны, проявлению такого социального поведения людей и общества, аксиологическим стержнем которого является верховенство права.

В последние годы эта проблема в Армении поднята на уровень государственной политики. Однако предвыборные и поствыборные процессы свидетельствовали, что проделанное еще не равноценно реальным вызовам и требует новых конституционно-правовых подходов и равноценных активных решений.

II. В рамках рассмотрения фактических материалов дела и по результатам судебного разбирательства Конституционный Суд РА констатирует, что в ходе всего процесса выборов Президента РА 18 февраля 2013 г., кроме споров в связи с регистрацией отдельных кандидатов в Президенты РА, основные жалобы касались этапов голосования и обобщения итогов выборов.

С целью проведения в Республике Армения 18 февраля 2013 г. выборов Президента РА, как указывалось, сформировано 1988 избирательных участков.

Партия “Наследие” в ходе выборов Президента РА защищала кандидатуру Ованнисяна Раффи Ричардовича. Две парламентские партии АРФД и ППА, а также альянс АНК официально заявили, что в избирательном процессе не будут поддерживать никого из кандидатов в Президенты РА. Все отмеченные политические силы в установленном законом порядке участвовали в формировании участковых избирательных комиссий, и в них в день голосования фактически приняло участие выдвинутое ими и предварительно прошедшее соответствующее обучение следующее число членов: от ППА – 1950; от партии “Наследие” – 1884; от АРФД – 1909; от АНК – 1481. Общее число членов участковых избирательных комиссий составило 15652, из коих 7224 или 46,03 процентов от фактического числа членов комиссий выдвинуты отмеченными политическими силами. Из выдвинутых ими председателями или секретарями комиссий были: от ППА – 1225; от АРФД – 211, из выдвинутых партией “Наследие” – 212, от АНК – 265 человек. Общее число этих лиц составило 1913. Причем, выдвинутые упомянутыми политическими силами составили 48,8 процентов председателей участковых избирательных комиссий, секретарей – 47,4 процентов. **1912 из них своей подписью заверили составленные по итогам выборов протоколы без какой-либо оговорки.**

В день голосования в участковых центрах присутствовали 5038 доверенных лиц, из которых со стороны кандидатов в президенты: Г. Багратяна – 299; П. Айриkyяна – 141; Раффи Ричардовича Ованнисяна – 1009; С. Саргсяна – 3589 лиц. Заявитель – кандидат в Президенты РА А. Гукасян в участковых центрах представленных доверенных лиц не имел.

В день голосования, по данным ЦИК, международные наблюдате-

ли побывали в 1208 участковых центрах. В 1426 участковых центрах присутствовали 4469 местных наблюдателей. В 1321 участковом центре за ходом выборов наблюдали 1993 представителей средств массовой информации, которые в установленном статьей 31 Избирательного кодекса РА порядке имели также широкие полномочия контрольного характера.

Конституционный Суд считает важным констатировать, что Избирательный кодекс РА, в частности, в результате новых структурных решений формирования избирательных комиссий закрепил такую систему функций и их реализации, что в условиях надлежащего исполнения представленными в Национальном Собрании РА политическими силами установленных законом прав и обязанностей может гарантировать необходимый и достаточный контроль за избирательным процессом и эффективную реализацию избирательного права. Следовательно, в рамках представленного по настоящему делу избирательного спора, а также с точки зрения доверия к избирательной системе важным критерием правовой оценки является также то обстоятельство, насколько вовлеченные в избирательные процессы политические силы с вышеупомянутой целью полноценно реализовали предоставленные им Избирательным кодексом РА функции.

Правовой ход поствыборных процессов также должен быть основан на результатах правомерной деятельности этой системы. Это стержень правового регулирования действующей избирательной системы и необходимое и объективное требование правовой и политической культуры демократического государства.

12. 18 февраля 2013 г. общим числом **20690** лиц, участвующих в избирательных правоотношениях и имеющих предусмотренную законом компетенцию, только в участковых избирательных центрах (в том числе **8233** – представленных вышеуказанными четырьмя политическими силами Национального Собрания РА) вместе с другими правосубъектами, вовлеченными в избирательные процессы по их же праву и под их же ответственность, были призваны гарантировать надлежащий ход голосования, обеспечивать полноценное осуществление контрольных функций, способствовать эффективной реализации избирательного права граждан РА. А это могло быть осуществлено, в частности, в результате

правомерного, последовательного и своевременного исполнения предусмотренных законом следующих компетенций.

Во-первых, в соответствии с частью 12 статьи 37 Избирательного кодекса РА: “Каждый член избирательной комиссии на первом заседании комиссии, в котором он принимает участие, публично зачитывает и подписывает обязательство “Об исполнении обязанностей члена избирательной комиссии в соответствии с требованиями Конституции Республики Армения и законодательства Республики Армения”, которое прилагается к журналу регистрации избирательной комиссии...”.

Эту обязанность член комиссии принимает как назначенное в результате политического доверия, а также наделенное функциональной независимостью лицо. Формирование участковых избирательных комиссий на многопартийной основе является в международной практике одним из эффективных средств обеспечения контрольных противовесов. Много лет к этому стремились также политические силы РА. Избирательный кодекс РА обеспечил эту возможность как гарантию укрепления доверия к избирательному процессу. На этих выборах равноценную обязанность в отношении всего избирательного процесса приняли 15652 гражданина Республики Армения, являющиеся членами участковой избирательной комиссии, выдвинутыми представляющими Национальное Собрание РА политическими силами, и в основном имеющие высокую квалификацию.

Одновременно частью 6 статьи 66 Избирательного кодекса РА установлено: “Если член комиссии или доверенное лицо сочтет, что в ходе проведения голосования имело место нарушение предусмотренного настоящим Кодексом порядка голосования, то он вправе требовать, чтобы его оценка была зафиксирована в регистрационном журнале”.

Независимо от содержания и правовой обоснованности фактически констатированного материала, предусмотренными законом 20690 правосубъектами (в качестве членов комиссии или доверенных лиц) из 1988 избирательных участков в журналы регистраций только 40 участковых избирательных комиссий внесены записи, что составляет лишь 2 процента от общего числа избирательных участков.

Во-вторых, в части 3 статьи 46 Избирательного кодекса РА установлено, что, в числе прочих, заявление о признании недействительными результатов голосования на избирательном участке может представить также доверенное лицо, если оно присутствовало на данном избирательном участке, а также член соответствующей участковой избирательной комиссии, если он внес в итоговый протокол голосования запись о наличии особого мнения.

Привлеченными в качестве членов комиссии и доверенных лиц 20690 правосубъектами, выдвинутыми представленными в Национальном Собрании РА политическими силами и кандидатами в Президенты РА, подобное заявление не представлено. То есть, указанными лицами в рамках принятых ими же обязанностей также подписанные протоколы признаны достоверными и необжалуемыми.

На основании той же вышеупомянутой статьи заявлениям кандидата в президенты РА Раффи Ричардовича Ованнисяна дан ход в установленном законом порядке. Согласно материалам по делу, решения окружных избирательных комиссий относительно них в порядке вышестояния или в судебном порядке не были обжалованы, а из указанных в заявлениях избирательных округов относительно почти 85 процентов не было какого-либо сигнала или в регистрационные журналы какая-либо запись не была внесена.

В результате судебного разбирательства было аргументировано также, что на основании части 13 статьи 74 Закона РА “О Конституционном Суде” случаи безосновательного отказа компетентной избирательной комиссией в обжаловании (рассмотрении) представленных в установленном законом порядке жалоб относительно выборов, необжалования (нерассмотрения) подобных жалоб в установленные сроки и отказа или уклонения от обжалования (рассмотрения) не констатированы.

В-третьих, часть 1 статьи 48 Избирательного кодекса РА устанавливает: “Кандидат, доверенное лицо, если они присутствовали на избирательном участке при обобщении результатов голосования, а также член участковой избирательной комиссии, в случае внесения в протокол о результатах голосования на избирательном участке записи об особом мнении относительно порядка обобщения результатов голосо-

вания, вправе обжаловать в установленные настоящим Кодексом порядке и сроки результаты голосования на данном избирательном участке, подав в окружную избирательную комиссию заявление о пересчете результатов голосования на избирательном участке (далее - пересчет). Заявление о пересчете результатов голосования на избирательном участке может быть подано только в соответствующую окружную избирательную комиссию на следующий после проведения голосования день – с 12.00 часов до 18.00 часов”.

Согласно материалам по делу, представлено всего двенадцать таких заявлений (относительно 0.6% избирательных участков), из которых 10 – 2 лицами.

На практике заявления о пересчете могли бы быть представлены 20690 правосубъектами, в том числе принявшими правовую ответственность за защиту интересов Р. Ованнисяна только 1009 доверенными лицами.

Последние представили составленное на основании требования закона лишь одно заявление.

В день голосования выборов Президента РА из 15652 членов участковых избирательных комиссий только одно лицо представило особое мнение (участок 3/33, где и был произведен пересчет). Это означает, что 15651 выдвинутый всеми политическими силами Национального Собрания РА и принявший особые обязательства правосубъект признал достоверными результаты голосования и своей же подписью удостоверил их. Они и стали основанием обобщения итогов выборов.

Эта предусмотренная законом возможность – основное предусмотренное законом средство обжалования результатов голосования посредством пересчета и проверки достоверности подписанных принявшими участие в голосовании избирателями избирательных списков, рассеивания разнохарактерных сомнений, чем почти не воспользовались заявители.

В четвертых, представленные стороной-заявителем материалы относительно разнохарактерных правонарушений, касающихся избирательного процесса, Конституционным Судом предоставлены привлеченным в качестве соответчиков Прокуратуре РА и Полиции РА при Правительстве РА для изучения в рамках их компетенции, а также для представления полного объяснения относительно мероприятий по пре-

дупреждению правонарушений в связи с проведенными 18. 02. 2013 г. выборами Президента РА и констатированных случаев. Согласно представленным Прокуратурой РА объяснениям, изучению видеозаписей, приложенных к заявлению кандидата в Президенты РА Раффи Ричардовича Ованнисяна, выяснилось, что один из видеоматериалов содержит запись заседания Административного суда по административному делу ЧР- N4/423/05/13, что не может быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде, а в остальных имеются видеозаписи и фотоснимки, сделанные на различных избирательных участках, на прилегающих к ним территориях и в других местах, одна часть которых в свое время была изучена, другая – изучается органами, наделенными соответствующей компетенцией.

Одновременно в рамках всего избирательного процесса Прокуратура РА получила 247 сообщений, в том числе 187 – из размещенных в СМИ публикаций, 5 – по горячей линии Генеральной прокуратуры РА. Из полученных 247 сообщений по 13 (или 5.3%) дано разъяснение, по 13 (или 5.3%) вынесено решение о возбуждении уголовного дела, по 218 (или 88.3%) вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании отсутствия события или состава преступления, 3 сообщения находятся на этапе рассмотрения. Причем ни по одному из отказанных дел в установленном законом порядке жалоба не представлена. Аргументируется также, что имеющиеся правонарушения, а также сигналы относительно них были в ограниченном количестве и не носили массового характера.

Полицией РА сообщается, что на этапах предвыборной агитации, голосования и поствыборном этапе выборов Президента РА по поступившим в Полицию РА сигналам относительно возможных правонарушений рассмотрены или находятся в процессе рассмотрения 276 сообщений. 250 или 90.6% отклонены или оставлены без последствий на основании отсутствия события, состава преступления или безосновательности.

Полная картина такова: участвовавшие во всем избирательном процессе 27152 правосубъектов имели предусмотренные законом контрольные полномочия и могли не только предупредить, но и как минимум сообщить о возможных избирательных нарушениях. Число фактических сигналов составило 1.9% от числа наделенных компетенцией их представления. Причем значительная

часть этих сигналов поступила от граждан, не выступающих в избирательных процессах с конкретной компетенцией.

В-пятых, глава 25 Кодекса административного судопроизводства РА (вступила в силу с 1 января 2008 г.) полностью посвящена процессуальным процедурам судебной защиты избирательного прав. Статья 144 этой главы устанавливает: “В Административный суд по делам о выборах могут обращаться лица, указанные в статье 3 настоящего Кодекса, а также в случаях, установленных Избирательным кодексом Республики Армения, - соответствующая избирательная комиссия”.

Статья 3 того же Кодекса, в частности, устанавливает: “Любое физическое или юридическое лицо вправе обращаться в Административный суд в порядке, установленном настоящим Кодексом, если сочтет, что административными актами, действиями или бездействием государственных органов или органов местного самоуправления либо их должностных лиц нарушены или могут быть непосредственно нарушены его права и свободы, закрепленные Конституцией, международными договорами, законами и иными правовыми актами Республики Армения”.

А часть 7 статьи 46 Избирательного кодекса РА устанавливает: “Постановления, действия (бездействие) Центральной избирательной комиссии (за исключением постановлений относительно итогов общегосударственных выборов) могут быть обжалованы в Административный суд...”.

До обобщения итогов выборов по спорам в связи с выборами Президента РА 18 февраля 2013 г. в Административный суд РА представлено 3 исковых заявления по вопросам относительно регистрации кандидатов. На основании статьи 91 Избирательного кодекса РА на момент обобщения итогов выборов в связи с оспариванием голосования и его результатов исковое заявление в Административный суд РА представлено не было.

После опубликования окончательных итогов выборов и принятия Постановления ЦИК номер 62-А 28.02.2013 г. и 07.03.2013 г. Административный суд РА принял в производство 2 исковых заявления касательно избирательного процесса, которые исключительно относились к компетенции Административного суда и по результатам судебного разбирательства были отклонены. Причем, как указывалось, решение Административ-

ного суда РА по вопросу регистрации кандидатов окончательное и не может быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде, на что представители стороны-заявителя также не обратили должного внимания.

В шестых, стороны-заявители в суде не представили никаких имеющих доказательственное значение правовых аргументов относительно возможной победы Раффи Ованнисяна на выборах. Единственным аргументом в связи с этим было оспаривание регистрации кандидата в Президенты РА С. Саргсяна, что заранее в судебном порядке согласно подеудности было рассмотрено и окончательным решением Административного суда РА было отклонено. Кстати, по вопросам конституционности положений законов, примененных Административным судом РА по данному делу, Р. Ованнисян на основании пункта 6 статьи 101 Конституции РА 07.03.2013 г. представил в Конституционный Суд РА индивидуальное обращение, которое в установленном законом порядке находится на этапе изучения.

В ходе настоящего судопроизводства вопросы заявителей главным образом касались признания недействительными итогов выборов — в рамках прилагаемых к заявлениям материалов. Относительно этих материалов стороны имели возможность выразить в Конституционном Суде целостную позицию. В результате их комплексной оценки Конституционный Суд констатирует, что они могли служить основанием или поводом обжалования результатов голосования на избирательных участках в установленном законом порядке и срок, что не было сделано. Хотя исключение составляют аргументы касательно результатов голосования на избирательном участке 17/5, в результате изучения которых Конституционный Суд РА находит, что эти результаты не могут считаться достоверными. Следовательно, на основании части 10 статьи 46 Избирательного кодекса РА результаты голосования на этом участке должны быть признаны недействительными, а на основании части 3 статьи 72 Избирательного кодекса РА число участников голосования на этом участке запротokolировано как суммарный размер неточностей на участке. Все материалы касательно этого избирательного участка на основании части 10 статьи 46 Избирательного кодекса РА окружной избирательной комиссией должны быть направлены в Прокуратуру РА.

В-седьмых, помимо вышеотмеченных, частью 9 статьи 46 Избирательного кодекса РА установлено: “Заявление о признании итогов

выборов недействительными может подаваться в соответствующую избирательную комиссию не позднее чем за 2 дня до окончания соответствующего срока, установленного настоящим Кодексом для подведения итогов выборов, до 18.00 часов”.

Упомянутая норма – это предусмотренная законом четкая и исключительно важная процедура оспаривания результатов выборов до вынесения окончательного решения по результатам выборов.

Из материалов по делу следует, что Центральная избирательная комиссия РА в установленный срок от кандидатов в президенты РА такого заявления не получала, итоги выборов в установленном законом порядке и сроки не оспаривались, упустив еще одну предусмотренную законом возможность рассеивания возможных сомнений относительно результатов голосования.

В ходе разбирательства по делу представлены также аргументы об имевших место на отдельных избирательных участках упущениях, теоретически невероятных результатах голосования на этих участках, сделанных отдельными кандидатами различных заявлениях, которые также на основании и в сроки части 9 статьи 46 Избирательного кодекса РА не оспаривались и при принятии Постановления Центральной избирательной комиссии РА от 25 февраля 2013 г. номер 62-А заранее предметом рассмотрения не были.

Согласно материалам по делу и результатам судебного разбирательства, такова общая картина и фактические результаты исключительно правовых процессов в рамках спора в связи с защитой пассивного избирательного права на выборах Президента РА 18 февраля 2013 г. Они же, в свою очередь, обусловили правовое содержание и логику окончательного постановления, вынесенного ЦИК по результатам выборов в порядке и сроки, установленные Избирательным кодексом РА.

Комплексная оценка вышеизложенных фактов свидетельствует, что в установленные частью 1 статьи 91 Избирательного кодекса РА порядке и сроки Центральная избирательная комиссия РА другого постановления вынести не могла.

Одновременно, Конституционный Суд РА констатирует, что замечания сторон касательно возможных несовершенств избирательной

системы выходят за рамки предмета рассмотрения по настоящему делу, и они могут стать задачей законодательных реформ, учитывая также правовые позиции Конституционного Суда по этим вопросам. Помимо этого, как отмечалось в десятом пункте настоящего Постановления, в условиях существующей поствыборной ситуации правомерным и эффективным средством гарантирования нормального развития страны и укрепления конституционности может стать, исходя из основополагающих демократических принципов, осуществление необходимых реформ конституционно-правового характера в результате широкого политического согласия, толерантности, цивилизованного диалога, необходимость чего также была обозначена в ходе судебного разбирательства.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 3.1 статьи 100, статьёй 102 Конституции РА, статьями 63, 64 и 74 Закона РА “О Конституционном Суде”, учитывая выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Армения “Об избрании Президента Республики Армения” от 25 февраля 2013 г. номер 62-А оставить в силе.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**14 марта 2013 г.
ПКС-1077**

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 44 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
“РЕГЛАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ”
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ДЕПУТАТОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РА**

г. Ереван

16 апреля 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян (докладчик), В. Погосяна, с участием:

заявителя - представителя депутатов Национального Собрания РА, депутата Национального Собрания РА Г. Джаангирияна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – председателя Постоянной комиссии по государственным-правовым вопросам Национального Собрания РА Д. Арутюняна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 3 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по устной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 44 Закона Республики Армения “Регламент Национального Собрания” Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального Собрания РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА обращение 34 депутатов Национального Собрания РА от 6 декабря 2012 г.

Заслушав доклад докладчика по настоящему делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, изучив также Закон РА “Регламент Национального Собрания” и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “Регламент Национального Собрания” принят Национальным Собранием РА 20 февраля 2002 года, подписан Президентом Республики Армения 21 марта 2002 года и вступил в силу 12 апреля 2002 года.

Оспариваемая по настоящему делу часть 4 статьи 44 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, озаглавленной “Регистрация депутатов на заседании Национального Собрания”, устанавливает:

“4. Заседание является правомочным, если в установленном порядке зарегистрировалось более половины от общего числа депутатов (обеспечен кворум)”.

2. Оспаривая конституционность положения части 4 статьи 44 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, заявитель находит, что оно в части проведения внеочередной сессии или заседания противоречит статьям 70 и 71 Конституции РА.

В обоснование своей позиции заявитель, в частности, представляет следующие аргументы:

конституционное полномочие инициирования внеочередной сессии или заседания Национального Собрания по инициативе не менее одной трети от общего числа депутатов призвано предоставить возможность представленной в Национальном Собрании оппозиции (меньшинству) созывать внеочередное заседание или сессию Национального Собрания по повестке и в сроки, предпочитаемые ею, что Консти-

туция не связывает или обуславливает с тем или иным проявлением воли или желания большинства Национального Собрания.

Согласно заявителю, Конституция РА не предусматривает какого-либо предела кворума правомочности сессий и заседаний (в том числе и внеочередных) Национального Собрания. Требования Конституции касаются числа участников голосования и принятых постановлений.

Исходя из своего анализа конституционных норм, заявитель приходит к выводу, что при созыве внеочередной сессии или заседания Национального Собрания по инициативе не менее одной трети от общего числа депутатов заседания должны признаваться правомочными при обеспеченности той же грани одной трети депутатов Национального Собрания.

Согласно заявителю, оспариваемое положение выдвигает непредусмотренное Конституцией условие правомочности внеочередной сессии или заседания, предусмотренной меньшинством Национального Собрания, требуя, чтобы число зарегистрированных на этом заседании депутатов было не менее половины от общего числа депутатов.

3. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что часть 4 статьи 44 Закона РА “Регламент Национального Собрания” соответствует Конституции РА.

В обоснование своей позиции ответчик, в частности, представляет следующие аргументы:

утверждение заявителя в той части, что конституционное полномочие инициирования внеочередной сессии или заседания Национального Собрания по инициативе не менее одной трети от общего числа депутатов призвано предоставить возможность представленной в Национальном Собрании оппозиции (меньшинству) **созывать** внеочередную сессию или заседание Национального Собрания по повестке и в сроки, предпочитаемые ею, в частности, в части применения термина “созывать” уже является неправильным акцентированием; оно не является конституционным термином и в связи с этим создается путаница. Согласно ответчику, статья 70 Конституции РА четко применяет термины **инициирования и созыва** внеочередной сессии или заседания, правами одной трети от общего числа депутатов наделяет не только оппозицию, но и власти, и в общем упомянутая конституционная

норма направлена на реализацию полномочий Национального Собрания.

Согласно стороне-ответчику, статья 71 Конституции РА, закрепляя границы правомочности (кворума, принятия постановления) Национального Собрания РА, по существу предопределяет те рамки, только при наличии которых Национальное Собрание компетентно исполнять свои конституционные полномочия в качестве законодательной власти.

В противовес тому аргументу заявителя, что Конституция предусматривала по меньшей мере обсуждение включенного в повестку внеочередной сессии или заседания вопроса на пленарном заседании Национального Собрания, сторона-ответчик находит, что Национальное Собрание призвано не только обеспечивать политические обсуждения, но и принимать постановления. Согласно ответчику, упомянутый вопрос мог быть предметом рассмотрения, если бы Национальное Собрание в рамках своей деятельности не имело и не обеспечивало отдельные институты реализации обсуждений, в частности парламентские слушания и т.д.

4. Конституционный Суд РА констатирует, что международная практика конституционного правосудия также обращалась к проблеме защиты прав парламентского (депутатского) меньшинства, особенно учитывая положения Резолюции номер 1601 Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принятой 23 января 2008 г., касающиеся процессуальных гарантий относительно прав и обязанностей оппозиции в демократических парламентах. В частности, в Решении Конституционного Суда Чехии от 1 марта 2011 г. особо подчеркивается учетывание в рамках правовых регулирований и законотворческого процесса таких конституционных принципов, как разделение властей, плюрализм мнений, свободная конкуренция политических сил, представительная демократия. Из этого следует также требование защиты прав парламентского меньшинства, публичного и прозрачного обсуждения предлагаемых проектов, заслушивания всех сторон.

Упомянутая Резолюция предусматривает такие процедуры регламентирования деятельности законодательного органа в аспекте гарантирования эффективности представительной демократии и политической толерантности, которые, в частности, обеспечат активную роль

оппозиции в парламентских обсуждениях и в деле реализации функциональных полномочий парламентов.

Такую же цель преследует также доклад Европейской комиссии “За демократию через право” Совета Европы (Венецианская комиссия) “О роли оппозиции в демократическом парламенте”, принятый 15 ноября 2010 г. Последний подчеркивает особую важность **обеспечения функционального баланса между парламентским большинством и меньшинством** для гарантирования эффективности деятельности законодательного органа. Акцентируется также, что в зависимости от того, насколько конкретной парламентской оппозиции предоставляется возможность фактически осуществлять свои функции, может оцениваться степень зрелости демократии /пункт 26/. Для решения такой проблемы выдвигается тот исходный подход, что регламенты парламентов по возможности должны быть сформулированы так, чтобы “...усложняли возможность игнорирования простым большинством правомерных целей групп политического меньшинства” /пункт 96/.

Учитывая позиции, представленные сторонами относительно являющейся предметом обсуждения проблемы, а также международную конституционно-правовую практику и практику правосудия, Конституционный Суд РА находит, что в рамках настоящего дела системным подходом необходимо установить:

- насколько четко Конституция РА закрепила рамки полномочий законодательного органа;
- конституционно какие гарантии предусмотрены для реализации прав парламентской оппозиции, обеспечения функционального баланса между парламентским большинством и меньшинством;
- насколько являющиеся предметом спора нормы Закона РА “Регламент Национального Собрания” и иные системно взаимосвязанные с ним нормы созвучны конституционным решениям.

5. Как в международной практике конституционного права, так и в нашей стране правомочность органа государственной власти обуславливается способностью реализации им функциональной компетенции. Это в свою очередь обуславливается наличием кворума. Например, частью 2 статьи 49 Закона РА “О Конституционном Суде” установлено, что “в назначенное время председательствующий, удостове-

рившись в наличии кворума, открывает заседание и сообщает, какое дело подлежит рассмотрению”. В данном случае правомочность заседания непосредственно обусловлена наличием кворума, необходимого для рассмотрения дела по вопросу, являющемуся предметом обсуждения, и принятия решения.

Термин “кворум” имеет латинское происхождение /*quorum praesentia sufficit*/ и дословно означает “присутствия которых достаточно”. В случае представительного органа **достаточно такое присутствие**, при котором данный орган будет иметь компетенцию осуществления деятельности, соответствующей своему конституционно-правовому статусу. **Наличие кворума является свидетельством правомочности данного органа и гарантией правомерности реализации функций.** Кворум является тем критерием, который наличие установленного числа депутатов дает качественную характеристику функционального характера, признавая его в качестве Национального Собрания.

Относительно деятельности Национального Собрания РА насколько Конституция РА закрепила границы правомочности законодательного органа? Конституционный Суд РА находит, что этот вопрос получил четкий и полный ответ. Он отражен в статье 71 Конституции РА, согласно которому “Законы и постановления Национального Собрания, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией, принимаются большинством голосов присутствующих на заседании депутатов, если в голосовании приняли участие более половины от общего числа депутатов”.

Из этой и ряда других системно взаимосвязанных с ней статей следует, что:

а/ Конституция РА для Национального Собрания РА **устанавливает общее правило кворума** и исключения из него в предусмотренных Конституцией случаях /в частности, часть 1 статьи 72, статья 74, часть 1 статьи 79, часть 1 статьи 83.1, часть 1 статьи 84 и т.д./;

б/ различаются взаимосвязанные институты правомочности заседания и правомочия принятия решения (принятия закона). Национальное Собрание может принять закон или постановление большинством голосов участвовавших в голосовании депутатов, но при условии, что это заседание будет правомочно быть признанным в качестве заседания органа законодательной власти. А это бывает в том случае, когда в голосовании участвовало более половины от общего

числа депутатов. **За исключением отдельных случаев, предусмотренных Конституцией РА, присутствие более половины от общего числа депутатов является границей правомочности Национального Собрания РА.** При каком-либо другом меньшем числе депутатов, согласно Конституции РА, Национальное Собрание как орган, осуществляющий законодательную власть, не может иметь правомочия выступать;

в/ статья 71 Конституции РА в системном аспекте соотносится также со статьей 74.1 Конституции, которая обращается к таким проявлениям бездействия законодательного органа, которые могут быть основанием для роспуска последнего. Подобное бездействие, в частности, может проявляться вследствие необеспечения необходимого кворума для реализации функции или принятия решения. В данном случае кворум выступает в качестве характеризатора реализации правомочности Национального Собрания.

В рамках предмета рассмотрения заслуживает внимания и ряд других положений Конституции РА. В частности, статья 62 Конституции /часть 4/ устанавливает, что порядок деятельности Национального Собрания устанавливается не только Конституцией, **но и Регламентом Национального Собрания, который является законом.** Это означает, что в рамках конституционного регламентирования **законодательный орган наделяется также определенным усмотрением установления порядка своей деятельности.** Что касается закрепления в статье 70 Конституции не менее одной трети от общего числа депутатов, то в данном контексте уточняется не порядок деятельности Национального Собрания, а решается вопрос правосубъектности, наделяя не менее одной трети от общего числа депутатов компетенцией инициировать созыв внеочередной сессии или заседания Национального Собрания. Подобной компетенцией обладают также Президент Республики и Правительство.

В рамках подобных конституционных решений конституционными гарантиями защиты прав депутатов, в том числе депутатского меньшинства, выступают, в частности:

а/ гарантирование деятельности Национального Собрания на основании основополагающих принципов разделения и баланса властей, обеспечения верховенства права и народовластия, становления правового и демократического государства;

б/ гарантирование исполнения полномочий депутата на постоянной основе и на основании свободного мандата;

в/ на основании статьи 66 Конституции предусмотренное соответствующей статусу депутата неприкосновенности;

г/ признание не менее одной трети от общего числа депутатов конституционным субъектом и наделение последней инициативой созыва внеочередной сессии или заседания Национального Собрания;

д/ признание на конституционном уровне права законодательной инициативы депутата Национального Собрания;

е/ наделение депутатов конституционным правомочием обращаться к Правительству с письменными и устными вопросами или выступать с запросом посредством групп и фракций.

Основная проблема в подобном случае в том, насколько эти гарантии законодательно обеспечиваются и реализуются.

6. Являющаяся предметом спора часть 4 статьи 44 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, по мнению заявителя, как отмечалось, препятствует реализации гарантированного Конституцией права парламентского меньшинства, так как она обуславливается тем или иным проявлением воли или желания большинства Национального Собрания.

Конституционный Суд находит, что подобный вывод следует не из самой сути правового регулирования данного законодательного положения, а лишь отражает сформировавшуюся практику парламентской деятельности.

Что касается конституционно-правового содержания положения, являющегося предметом спора, то:

во-первых, данное положение устанавливает общее правило и касается всех заседаний Национального Собрания. Учитывая это, заявителями мог быть поднят вопрос о дополнительном правовом регулировании или преодолении пробела правового регулирования в части, касающейся парламентского меньшинства, что входит в рамки правомочия законодательного органа;

во-вторых, как отмечалось, обеспечение кворума является характеристикой правомочности данного института и согласно Конституции РА, в частности, статьям 62, 67 и 71, посредством голосования и участия в нем реализуются функциональные полномочия отдельных депутатов и законодательного органа;

в-третьих, Конституция РА и Закон РА “Регламент Национального Собрания”, в том числе статья 5 последнего, не предоставляют право какому-либо депутату неуважительно отсутствовать на заседаниях Национального Собрания, уклоняться от конституционного требования исполнения своих полномочий на постоянной основе. Более того, статья 6 Закона РА “Регламент Национального Собрания” обязывает депутата участвовать в заседаниях Национального Собрания без какой-либо оговорки;

в-четвертых, представление отсутствия на заседаниях Национального Собрания в качестве “политического бойкота” в правовом смысле является безосновательным. Закон РА “Регламент Национального Собрания” установил лишь два возможных института неучастия в голосовании, когда, в одном случае, в установленном Законом порядке согласно пункту г/ части 3 статьи 99 данного Закона на заседании Национального Собрания депутат выступает с заявлением об отказе участвовать в данном голосовании; в другом случае, на основании пункта д/ части 3 той же статьи с подобным заявлением до голосования выступает фракция или депутатская группа.

Конституционный Суд РА констатирует, что законодательство РА не предусматривает какого-либо правового основания для **неучастия в заседаниях Национального Собрания по политическим мотивам.** За исключением предусмотренного Законом исчерпывающего перечня отсутствий по уважительной причине на заседаниях Национального Собрания (включая отсутствие депутата на голосовании по основаниям, указанным в пунктах “г” и “д” части 3 статьи 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания”), все остальные отсутствия являются неуважительными и в установленном статьей 67 Конституции РА порядке должны вызвать равноценные правовые последствия.

Одновременно Конституционный Суд РА констатирует, что действительно имеется проблема защиты прав парламентского меньшинства, однако она обусловлена не являющимся предметом спора положением, а правовыми регулированиями частей 4-8 статьи 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, обратиться к которым Конституционный Суд считает необходимым, исходя из требований части 9 статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде”.

В первую очередь Конституционный Суд констатирует, что независимо от того, каким предусмотренным статьей 70 Конституции РА

субъектом был инициирован созыв внеочередной сессии или заседания Национального Собрания, все депутаты обязаны участвовать в заседаниях Национального Собрания, исходя из требований пункта а/части 1 статьи 6 Закона РА “Регламент Национального Собрания”. Отсутствие может признаваться уважительным только при наличии установленных Законом конкретных оснований. Все случаи отклонения из этого принципа приведут к бездействию депутата и законодательного органа с вытекающими из этого равноценными правовыми последствиями.

Вся проблема в том, каковы эти последствия и насколько они гарантируют также реализацию прав парламентского меньшинства. Изучение существующих законодательных регулирований свидетельствует, что имели место такие решения, которые делают вплоть нереализуемым непосредственное действие статьи 67 Конституции РА об автоматическом **прекращении** полномочий депутата в случае неуважительного отсутствия на более чем половине голосований в течение одной очередной сессии. На практике, независимо от предусмотренных законом оснований уважительных отсутствий, в конечном счете статьей 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания” Национальному Собранию предоставляется правомочие своим решением решать вопрос признания отсутствий уважительными или неуважительными, что по сути становится волеизъявлением депутатского большинства. В подобных условиях с большой оговоркой можно говорить о защищенности прав парламентского меньшинства или непосредственном действии вышеупомянутого положения статьи 67 Конституции.

Конституционный Суд констатирует также, что данное правовое регулирование является последствием кажущегося несоответствия между статьями 62 и 67 Конституции РА, к чему Суд считает необходимым обратиться с точки зрения поиска эффективного решения существующего конституционно-правового вопроса.

7. Статья 62 Конституции РА не только закрепляет место и роль Национального Собрания в системе государственной власти, но и устанавливает процессуальные границы деятельности органа законодательной власти. К последним относятся также определение круга тех вопросов, по которым Национальное Собрание принимает постановления.

Исходя из своей правовой сущности, в вышеупомянутой статье есть два типа правовых норм: материальные, которыми регулируются правоотношения, определяются рамки полномочий законодательного органа, во-вторых, процессуальные, посредством которых решается задача реализации функции.

Если в статье 62 Конституции РА положение “Законодательную власть в Республике Армения осуществляет Национальное Собрание” устанавливает конституционно-правовой статус законодательного органа, то уточнение круга реализации полномочия по принятию постановлений в первую очередь преследует цель регламентирования деятельности Национального Собрания. Причем, всеми перечисленными в части 1 статьи 62 Конституции статьями, за исключением статьи 67 (предметом отдельного рассмотрения может быть также статья 74.1) предусмотрены конкретные полномочия Национального Собрания, формой реализации которых установлено принятие постановлений. Об этом свидетельствует сопоставление конституционно-правового содержания части 1 статьи 62 Конституции с правовыми регулировками пунктов 13 и 14 статьи 55, статей 57, 59, части 2 статьи 62, статей 66, 69, 73, 74, 75, 77, 79, части 2 статьи 80, статей 81, 83, 83.1, 83.2, 83.3, 83.4, 84, 94.1, пункта 2 части 1 статьи 101, статей 103, 111 и 112. Последними четко установлены полномочия Национального Собрания в рамках данного правового регулирования.

Статьей 67 Конституции полностью регламентированы материально-правовые отношения общественного характера, установлены все те, а также исчерпывающие случаи, когда **прекращаются** полномочия депутата Национального Собрания. Причем, эти случаи представляются перечислением без каких-либо особых характеристик и исключений. В этих перечислениях особого подхода требует ссылка на статью 65 Конституции, которая предполагает, что законодательная реализация данного положения должна четко корреспондировать законодательным гарантированием исполнения требований статьи 65 Конституции.

В представленном контексте закрепленный в статье 67 Конституции РА термин “автоматическое прекращение” имеет такой конституционно-правовой характер, что последствие наступает в силу права */ex jure/*, **когда есть факт**. В частности, окончание срока полномочий Национального Собрания или роспуск Национального Собра-

ния в силу права приводит к автоматическому прекращению полномочий депутата. Блокировать действие данной конституционной нормы каким-нибудь решением или даже законом невозможно, так как это будет непосредственно противоречить требованиям статьи 6 /части 1 и 2/ Конституции.

Из конституционно-правового содержания статьи 67 Конституции следует, что подобный подход в равной мере касается и неуважительного отсутствия на более чем половине голосований в течение одной очередной сессии и не предусматривается конкретная компетенция по прекращению полномочий.

Конституционный Суд РА в результате сопоставительного анализа различных статей Конституции находит, что для преодоления сложившейся ситуации за основу должны быть приняты два основополагающих конституционных принципа.

Во-первых, Конституция самодостаточна и кажущиеся текстовые несоответствия могут быть преодолены на основании аксиологии Конституции и основополагающих принципов. В данном случае существенно то обстоятельство, что **обеспечение непосредственного действия** статьи 67 Конституции РА, создание необходимых для этого правовых предпосылок является одним из важнейших гарантий укрепления народовластия, эффективной реализации представительной демократии, обеспечения деятельности законодательной власти в стране.

Во-вторых, процессуальная норма права не может быть препятствием для общей и полноценной реализации материальной нормы. В этом аспекте Национальное Собрание РА в рамках реализации требований статьи 67 Конституции РА в части положения, являющегося предметом спора, может лишь **“принять к сведению”** наличие правового факта и вытекающего из него последствия, не имея компетенции приостановить голосованием действие конституционной нормы и **преобразовать на практике термин “автоматическое прекращение” в термин “прекращение”**, когда последний предполагает наличие четкого и равноценного полномочия. Об этом свидетельствует также сопоставительный анализ конституционно-правового содержания терминов **“автоматическое прекращение”** и **“прекращение”** в статье 67, втором абзаце пункта 10 статьи 55 и пункте 3 статьи 83 Конституции РА. Причем, статья 62 Конституции РА устанавливает, что **“Полномочия Национального Собрания устанавливаются Консти-**

туцией”. А Конституция не наделила Национальное Собрание компетенцией по **прекращению** полномочий депутата Национального Собрания РА, особенно посредством постановления, при его неуважительном отсутствии на более чем половине голосований в течение одной очередной сессии.

Вывод в том, что положения Закона РА “Регламент Национального Собрания”, в частности, частей 4-8 статьи 99 в части рассмотрения вопроса отсутствия депутата и вынесения постановления **голосованием** о признании его уважительным или неуважительным, меняют правовое содержание конституционной нормы, автоматическое **прекращение полномочий в силу права трансформируют в процессе их прекращения**. Если в случае института автоматического прекращения гарантируются также права парламентского меньшинства, то прекращение обуславливается волеизъявлением парламентского большинства и даже теряет свое превентивное значение. Исходя из требований статьи 67 Конституции РА, части 4-8 статьи 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания” должны предусмотреть такую возможность правового регулирования, в условиях которого, **принимая к сведению факт, имеющий предусмотренное законом юридическое значение, составлялся бы протокол об автоматическом прекращении полномочий депутата в силу права /ex jure/.**

В статьях 6 и 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания” необходимо взаимосогласованно учитывать также то обстоятельство, что отсутствие депутата может признаваться уважительным **только в предусмотренных законом порядке и случае наличия конкретных оснований**, и оно не может быть результатом дискреционной оценки. В рамках выраженных в данном Постановлении правовых позиций в соответствующем изменении нуждается также статья 12 Закона РА “Регламент Национального Собрания”.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 3 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 4 статьи 44 Закона РА “Регламент Национального Собрания” соответствует Конституции Республики Армения.

2. Положения частей 4-8 статьи 99 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, системно взаимосвязанные с положением, являющимся предметом спора по настоящему делу, в той части, в которой существующие процедуры на практике трансформируют конституционный институт “автоматического прекращения полномочий” депутата в институт “прекращения полномочий” постановлением Национального Собрания РА, признать противоречащими статье 67 Конституции РА и недействительными.

3. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**16 апреля 2013 года
ПКС-1081**

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 51 И ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 54 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА**

г. Ереван

23 апреля 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна (докладчик), А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителей заявителя - Защитника прав человека РА, сотрудников аппарата Защитника прав человека РА А. Вардеваняна, С. Юзбашяна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления аппарата Национального Собрания РА С. Амбарцумян, ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конс-

титуции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 51 и части 5 статьи 54 Уголовного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 11.10.2012 г. обращение Защитника прав человека РА.

Конституционный Суд своим процедурным решением от 26.02.2013 г. ПРКС-12 привлек к рассмотрению настоящего дела в качестве эксперта заведующего кафедрой уголовного права Юридического факультета ЕГУ, доктора юридических наук А. Габузяна, предложив ему предоставить Конституционному Суду экспертное заключение относительно положений части 4 статьи 51 и части 5 статьи 54 Уголовного кодекса РА. Одновременно из Министерства юстиции РА были истребованы письменные обоснования относительно оспариваемого по настоящему делу правового регулирования.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, предоставленные Министерством юстиции РА обоснования, заключение привлеченного по делу эксперта, а также Уголовный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовный кодекс Республики Армения принят Национальным Собранием Республики Армения 18 апреля 2003 года, подписан Президентом Республики Армения 29 апреля 2003 года и вступил в силу с 1 августа 2003 года.

Часть 4 статьи 51 Уголовного кодекса РА, озаглавленной “Штраф”, устанавливает:

“4. В случае невозможности уплаты штрафа суд заменяет штраф или неуплаченную часть штрафа общественными работами из расчета пять часов общественных работ за минимальную заработную плату. Если по результатам расчета, произведенного для замены штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами, получается меньше двухсот семидесяти часов, то назначается двести семьдесят ча-

сов, а если он превышает две тысячи двести часов, то назначается две тысячи двести часов”.

Вышеупомянутая статья изложена в действующей редакции согласно статье 3 Закона от 26.06.2006 г. ЗР-119-Н.

Часть 5 статьи 54 Уголовного кодекса РА, озаглавленной “Общественные работы”, устанавливает:

“5. В случае злостного уклонения от выполнения общественных работ суд заменяет неотбытую часть общественных работ арестом или лишением свободы на определенный срок из расчета один день ареста или лишения свободы на определенный срок за три часа общественных работ”.

Упомянутая статья Уголовного кодекса РА согласно статье 6 Закона от 01.07.2004 г. ЗР-97-Н подверглась изменениям, а согласно статье 4 Закона от 26.06.2006 г. ЗР-119-Н части 1, 2 и 3 изложены в новой редакции, а в часть 5 внесено изменение.

2. Сторона-заявитель находит, что вышеупомянутые положения Кодекса не соответствуют Конституции РА по следующим обоснованиям.

Взяв за основание статью 49 Уголовного кодекса РА, сторона-заявитель утверждает, что эта норма устанавливает виды наказания с учетом критерия их сравнительной тяжести — от менее строгих к более строгим, согласно ей штраф является наиболее легким наказанием, за ним следуют лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественные работы и т.д. Общественные работы по занимаемому в системе наказаний месту и воздействию являются более строгим видом наказания, чем штраф, так как ограничивают свободу осужденного.

Ссылаясь также на часть 1 статьи 61 Кодекса, сторона-заявитель утверждает, что в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, должно быть назначено справедливое наказание, определяемое в пределах соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РА с учетом положений Общей части Кодекса. Согласно стороне-заявителю, упомянутая норма обязывает не выходить за пределы санкции статьи Особенной части Кодекса. Между тем согласно статьям 66 и 67 “суду может быть предоставлено право выйти за рамки наказания, установленного Особенной частью за конкрет-

ный состав преступления, назначив более строгое наказание, чем предусмотренное соответствующей статьей максимальное наказание, но только в случаях совокупности преступлений и приговоров”.

Приняв за основание часть 3 статьи 22 Конституции РА, заявитель находит также, что назначение более строгого вида наказания, чем штраф, предусмотренный за указанный состав преступления Особенной частью Уголовного кодекса РА, “из-за отсутствия четких гарантий судебного рассмотрения” может привести к несоответствию Конституции РА и соответствующим статьям ЕКПЧ.

Кроме того, изучив часть 4 статьи 51 Уголовного кодекса РА, сторона-заявитель сделала заключение, что нет четкой дифференциации невозможности уплаты штрафа и злостного уклонения от уплаты. Заявитель считает, что правовое регулирование замены штрафа общественными работами, а последних - арестом должно предусматривать дифференциацию случаев невозможности уплаты штрафа и злостного уклонения от нее, и только при этом условии исполнение наказания не приведет к нарушению прав человека.

Сторона-заявитель в своих представленных в Конституционный Суд дополнительных объяснениях отстаивает свою точку зрения относительно оспариваемых в обращении правовых положений.

3. Сторона-ответчик находит, что оспариваемые положения Уголовного кодекса РА не противоречат Конституции, в частности, согласно международной правовой практике, а также анализу действующего законодательства, ответчик пришел к заключению, что в рамках выдвинутого в обращении вопроса действует принцип “...нет наказания без указания об этом в законе”. Согласно стороне-ответчику, проблема может возникнуть в том случае, когда преступление совершено во время действия одного уголовного закона, а при вынесении приговора действовал уже другой уголовный закон.

Соответствие оспариваемых норм Конституции сторона-ответчик обосновывает также тем, что “во время совершения преступления ... до вынесенных судом решений и во время их вынесения действующим уголовным законом (Уголовным кодексом РА) был установлен подобный порядок назначения наказания и подобный вид наказания. Причем под уголовным законом надо понимать весь Уголовный кодекс, а не только его Особенную часть”.

Возвращаясь к вопросу недопустимости применения замены штрафа общественными работами как более строгим наказанием, сторона-ответчик отмечает, что оба эти вида наказаний в системе наказаний входят в группу наказаний, не связанных с лишением свободы, и при замене одного другим законом предусмотрен определенный порядок расчета, целью которого является обеспечение пропорциональности, кроме того, при определении размера штрафа суд учитывает имущественное положение осуждаемого и если существует невозможность уплаты штрафа, то он может быть заменен другим видом наказания, "... хотя по своему характеру более строгим - общественными работами". В противном случае, как заключает ответчик, "... возникнут коррупционные риски, будут оштрафованы, будет отсрочена или рас-срочена уплата штрафа и таким образом избегут ответственности и наказания".

Сторона-ответчик в своих представленных в Конституционный Суд дополнительных объяснениях одновременно отмечает, что "... применяемый при замене штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами механизм расчета не обеспечивает пропорциональности двух видов наказания в том случае, когда в результате расчета получается меньшее количество часов, чем установленные законом минимальные двести семьдесят часов ... между тем закон, фактически не допуская назначения общественных работ на меньший срок, чем установленный законом минимальный срок, ухудшает положение лица, не имеющего возможности уплатить штраф".

Замену общественных работ арестом или лишением свободы на определенный срок, когда осужденный злостно уклоняется от отбывания этих работ, сторона-ответчик оценивает как правомерную и заключает, что "...мера противодействия при замене общественных работ арестом или лишением свободы на определенный срок по своей строгости может также превзойти назначенное до этого наказание".

4. Конституционность оспариваемых по настоящему делу норм Конституционный Суд РА считает необходимым оценить:

- с точки зрения обеспечения правомерного применения принципов неотвратимости и индивидуализации уголовной ответственности;
- с точки зрения соответствия конституционно-правовому содер-

жанию института замены наказания и гарантирования верховенства права;

- с точки зрения всестороннего изучения и оценки международного опыта относительно правового регулирования вопроса, являющегося предметом рассмотрения.

При оценке конституционности оспариваемых норм за основание берутся требования части 7 статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде”, и в числе прочего, в частности, выяснить необходимость обеспечения и защиты, свободного осуществления закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина, допустимость их ограничения, необходимость обеспечения непосредственного действия Конституции.

Исходя из выдвинутых стороной-заявителем вопросов и сделанных заключений, Конституционный Суд считает необходимым раскрыть конституционно-правовое содержание предусмотренного оспариваемыми нормами правового регулирования посредством сопоставительного анализа системно взаимосвязанных с этими нормами иных норм Уголовного кодекса РА.

5. Оспариваемые по настоящему делу нормы статей 51 и 54 Уголовного кодекса РА прямо закрепляют элементы порядка и условий применения не связанных с лишением свободы наказаний — штрафа и общественных работ, в частности, касательно порядка и условий замены судом при наличии определенных конкретных правовых условий этих наказаний в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления, другими конкретными мерами принуждения, т. е. касательно применения института замены наказания.

Порядок и условия исполнения штрафа и общественных работ, как не связанных с лишением свободы наказаний, предусмотрены статьями 24, 26, 32-35 Уголовно-исполнительного кодекса РА, связь которых с оспариваемым правовым регулированием в конституционно-правовом аспекте выходит за рамки предмета рассмотрения по настоящему делу.

Из общего правового содержания оспариваемых по настоящему делу норм и других соответствующих норм Уголовного кодекса РА следует, что штраф — это наказание, ограничивающее имущественные права осужденного, применяемое в отношении лиц, виновных в прес-

тупном деянии, совершенном по неосторожности или из корыстных побуждений и с умыслом. Это денежное взыскание, назначаемое в размере от тридцатикратного до тысячекратного размера минимальной заработной платы, установленного законом РА на момент назначения наказания, за преступления небольшой или средней тяжести в случаях и пределах, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса РА.

Изучение соответствующих статей Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РА свидетельствует, что размер штрафа различается. Он определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного (размер заработка, обеспеченность семьи и др.). Штраф может назначаться только как основное наказание, а также в случаях, предусмотренных статьями 64 и 77 Уголовного кодекса РА.

Общественные работы – это назначенное судом неоплачиваемое выполнение осужденным общественно полезных работ в конкретном месте, установленном компетентным органом. Общественные работы как основное наказание могут быть назначены в отношении лиц, осужденных максимум на два года за преступления небольшой или средней тяжести, как альтернативный лишению свободы вид наказания в течение двадцати дней после получения распоряжения о приведении в исполнение вступившего в силу приговора на основании письменного заявления осужденного, а также как наказание, заменяющее штраф, в предусмотренном частью 4 статьи 51 Кодекса порядке.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что как штраф, так и общественные работы по характеристике, данной статьей 48 Уголовного кодекса РА, являются **мерами государственного принуждения (правовой ответственности)**, назначаемыми от имени государства в отношении лица, признанного виновным в преступном деянии, и заключаются в лишении или ограничении прав и свобод этого лица в предусмотренном законом порядке, следовательно, следуют из необходимости правового регулирования, предусмотренного пунктом 2 статьи 83.5 Конституции РА. Эти меры, в числе прочих предусмотренных законом мер принуждения, будучи примененными по решению компетентного суда, преследуют такие цели, как соблюдение общественного порядка, предупреждение преступлений, защита нравственности общества, конституционных прав и свобод, чести и

доброе имени иных лиц, следовательно, являются правомерными, направлены на соблюдение законности и основ конституционного строя.

Обращаясь к конституционно-правовому содержанию института замены штрафа и общественных работ иными видами наказания, Конституционный Суд констатирует, что данный институт представляет собой системную целостность норм конституционного права и других отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного), призванную в установленных законом случаях и порядке в рамках исполнения наказания обеспечить замену наказания, назначенного судебным актом в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, другим предусмотренным законом соответствующим наказанием. Согласно содержанию оспариваемого по настоящему делу правового регулирования, необходимость замены наказания обусловлена наличием таких обстоятельств (правовых условий), которые препятствуют исполнению ранее назначенного наказания.

В частности, согласно вышеупомянутому правовому регулированию, штраф (или неуплаченная часть штрафа) при наличии определенных правовых условий, указанных в частях 3 и 4 статьи 51 Кодекса, заменяется общественными работами, **во-первых**, если **осуждаемый не в состоянии немедленно и полностью уплатить штраф**. То есть законодатель имел в виду, в частности, личное или материальное неблагоприятное положение осужденного. В этом случае суд устанавливает для него срок уплаты не свыше одного года или разрешает ему уплатить штраф по частям в тот же срок, и устанавливает график уплаты, определяя размер суммы, подлежащей каждый раз уплате (то есть в вопросе отбывания наказания, согласно формулировке части 3 статьи 51 Кодекса, устанавливается льгота). Когда осужденный нарушает исполнение установленных графиком уплаты обязательств (возможность пользования льготой), суд в таком случае заменяет штраф или его неуплаченную часть общественными работами. Причем законодатель **обозначил факт нарушения упомянутых обязательств (правового условия), а не мотивов их неисполнения**. Фактически в данном случае за нарушением осужденным “благоприятного” (льготного) правового режима правового регулирования, предусмотренного законом, правомерно следуют сравнительно неблагоприятные правовые последствия.

Второе правовое условие (часть 4 статьи 51 Кодекса), согласно которому штраф заменяется общественными работами, — это **невозможность уплаты штрафа**. И хотя законодатель не уточнил проявления “невозможности” (нет четкости относительно этого и в части 1 статьи 25 Уголовно-исполнительного кодекса РА), тем не менее к ним можно отнести такие фактические обстоятельства, которые не определены частью 3 обсуждаемой статьи Кодекса. В то же время очевидно, что под термином “невозможность” нельзя подразумевать термины “умысел” или “злостное уклонение”. Из содержания правового регулирования части 4 статьи 51 Уголовного кодекса РА следует, что вопрос о том, является или нет то или иное фактическое обстоятельство препятствием для уплаты осужденным штрафа, решается толкованием компетентного суда. Таковыми могут быть обстоятельства, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами.

Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что наличие двух групп правовых условий, отмеченных вышеупомянутой статьей 51 (части 3 и 4) Кодекса, приводит к тому же **правовому последствию**, а именно к замене штрафа общественными работами (замене наказания). Тем самым законодатель преследовал цель обеспечить исполнение назначенного судом наказания, реализовать цели наказания — восстановление социальной справедливости, исправление совершившего преступление лица и предупреждение преступлений.

Конституционный Суд в то же время констатирует, что отсутствие правового содержания “невозможности” уплаты штрафа в рамках вышеупомянутого правового регулирования части 4 статьи 51 Кодекса в правоприменительной практике может привести к различным толкованиям. Конституционный Суд констатирует, что последнее не было раскрыто в Уголовном кодексе РА и в предыдущей, измененной редакции оспариваемого правового регулирования. В частности, не дифференцированы возможные обстоятельства невозможности уплаты штрафа и неуплаты штрафа (уклонение от уплаты). Конституционный Суд считает, что применение института замены наказания (штрафа общественными работами) само по себе преследует правомерную цель, однако оно требует также дифференцированного подхода, исходя из мотивов замены. Следовательно, вследствие непредусмотрения возможных обстоятельств уклонения от уплаты штрафа в рамках пра-

вового регулирования части 4 статьи 51 Кодекса на практике может встать вопрос конституционности.

Кроме того, значение придается также вопросу соразмерности замены наказания (в данном случае штрафа) иным наказанием (в данном случае общественными работами), который связан с применением расчета, предусмотренного оспариваемым правовым регулированием для замены штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами. Согласно положению, являющемуся предметом спора, "... Если по результатам расчета, произведенного для замены штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами, получается меньше двухсот семидесяти часов, то назначается двести семьдесят часов, а если он превышает две тысячи двести часов, то назначается две тысячи двести часов". Кроме того, в рамках вышеупомянутого правового регулирования законодатель принципиально абсолютно не затронул вопрос необходимости применения института замены штрафа более тяжким наказанием в случае злостного уклонения от его уплаты (или при иных проявлениях умысла), что имеется в оспариваемой по настоящему делу части статьи 54 Уголовного кодекса РА. Конституционный Суд считает, что уклонение как от общественных работ, так и от штрафа как от наказания, не связанного с лишением свободы, с точки зрения одинаковой степени общественной опасности требует от законодательного органа равноценной правовой оценки, следовательно, также соответствующего правового регулирования по такому принципу, чтобы учитывались преступные проявления со стороны осужденного не только в связи с неисполнением (невозможностью) осужденным обязанности по уплате штрафа, но и в связи с уклонением от уплаты.

Согласно статьям 4 и 10 Уголовного кодекса РА справедливость является одним из основных принципов регулирования уголовно-правовых отношений (уголовно-правового воздействия), одним из проявлений которой является то, что наказание и иные меры уголовно-правового воздействия должны соответствовать тяжести преступления, обстоятельствам его совершения, личности преступника, быть необходимыми и достаточными для его исправления и предупреждения новых преступлений. Только в этом контексте оспариваемое правовое регулирование может оцениваться как правомерное, когда соблюден принцип равноценности преследуемой цели и правовых средств ее достижения.

Обращаясь к вопросу правомерности (соразмерности) нормативного регулирования части 4 статьи 51 Уголовного кодекса РА, Конституционный Суд находит, что когда нет аргументированного в предусмотренном законом порядке неоспоримого обстоятельства уклонения осужденным от несения наказания, то **неправомерным является еще большее ужесточение наказания заменой уже назначенного наказания**, к чему на практике может привести вышеупомянутое правовое регулирование. Дело в том, что вместо меньшего срока общественных работ, полученного в результате предусмотренного для замены наказания расчета, предусматриваются работы на более длительный срок (когда в результате расчета, произведенного для замены штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами, получается меньше двухсот семидесяти часов), то есть в результате нарушается пропорциональность между предыдущим и замененным наказаниями, **безосновательно ухудшается положение лица, которое не имело возможности уплатить штраф, и когда нет общих правовых (предусмотренных уголовным законодательством) оснований (умысел или другие обстоятельства) такого ужесточения.** В результате на практике лицо (осужденный) лишается возможности реализации своего права на эффективное средство правовой защиты, гарантированного статьей 18 Конституции РА. Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что **нормы части 4 статьи 51 Уголовного кодекса РА содержат несоразмерные способы правового регулирования – ужесточение наказания (безосновательное ухудшение положения осужденного лица) в том случае, когда нет правомерного основания для его применения, и отсутствие такого ужесточения в случае возможного наличия соответствующих правовых оснований (умысел).**

6. Конституционный Суд констатирует, что определенное четкое правовое условие предусмотрено в случае замены общественных работ как наказания иными мерами принуждения. В частности, согласно части 5 статьи 54 Кодекса суд заменяет неотбытую часть общественных работ арестом или лишением свободы на определенный срок, когда **осужденный злостно уклоняется от выполнения общественных работ.** То есть злостность как уголовно наказуемый субъективный фактор и более опасное общественное явление объективно

приводит к ужесточению заменяемого наказания (к замене и применению наказания, связанного с лишением свободы), следовательно, также к применению эффективных мер правового регулирования. Этим самым преследуется цель восстановить социальную справедливость, исправить подвергнутое наказанию лицо, предупредить преступления, то есть гарантировать соблюдение основ конституционного строя.

Следовательно, Конституционный Суд находит, что в аспекте правового последствия законодатель в вышеупомянутом случае соблюдал принцип равноценности преследуемой цели и правовых средств ее достижения.

Оценивая вышеупомянутое правовое регулирование с точки зрения правомерного применения принципов неотвратимости и индивидуализации наказания, а также с точки зрения эффективности института замены наказания, гарантирования защиты прав человека и обеспеченности верховенства права, Конституционный Суд находит, что согласно нормам части 5 статьи 54 Кодекса, являющимся предметом рассмотрения, налицо достаточно гарантий как для эффективного и соответствующего закрепленным в статье 14, первой части статьи 14.1, в статье 16 и других статьях Конституции РА принципам применения наказания, так и для обеспечения судебной защиты прав лица в соответствии со статьями 18 и 19, а также с третьей частью статьи 20 Конституции РА, что полноценно не гарантировано в рамках правового регулирования, предусмотренного частью 4 статьи 51 Кодекса.

Международная практика свидетельствует, что законодательные решения, данные правовым регулированиям, являющимся предметом спора, имеют как общие черты, так и некоторые особенности. В основном они заключаются в следующем:

а/ в большинстве стран существует различие в вопросах применения института замены наказания в случае невозможности уплаты штрафа и злостного уклонения от этого;

б/ лишение свободы считается той крайней мерой, применяемой в случае злостного уклонения лицом от уплаты штрафа или от выполнения общественных работ (исправительных, социально полезных);

в/ лишение свободы ставится в определенное соотношение с размером неуплаченного штрафа или с невыполненными общественными работами.

Особенности заключаются в следующем:

а/ в большинстве стран пропорционально неуплаченному штрафу (независимо от обстоятельств неуплаты) предусмотрено лишение свободы;

б/ вопрос замены штрафа общественными работами или лишением свободы решается в связи с обстоятельством неуплаты штрафа.

Исходя из вышеупомянутых обобщений международного опыта, Конституционный Суд находит, что вопросу оспариваемых по настоящему делу правовых регулирований статьи 51 Уголовного кодекса РА дано поэтапное решение, во-первых, замена штрафа только общественными работами в случае невозможности уплаты штрафа, и замена общественных работ лишением свободы в случае злостного уклонения от этих работ. Следовательно, Конституционный Суд считает необходимым гарантирование более полноценного и эффективного применения института замены наказания на уровне законодательных регулирований этого института, что будет способствовать совершенствованию не только мер уголовно-правового воздействия, но и совершенствованию конституционного строя и способов правовой защиты прав и свобод лица.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 8 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Признать часть 4 статьи 51 Уголовного кодекса Республики Армения противоречащей статье 18 Конституции Республики Армения и недействительной постольку, поскольку в результате расчета, произведенного для замены штрафа или неуплаченной части штрафа общественными работами, равноценно не гарантирует правовую возможность применения общественных работ продолжительностью менее двухсот семидесяти часов в отношении лиц, не имеющих возможности уплатить штраф, тем самым блокируя реализацию их права на эффективное средство правовой защиты, а также не проявляет дифференцированный подход к обстоятельствам невозможности уплаты штрафа и уклонения от уплаты.

2. Часть 5 статьи 54 Уголовного кодекса Республики Армения соответствует Конституции Республики Армения, учитывая выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции.

3. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**23 апреля 2013 г.
ПКС-1082**

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 26 ЗАКОНА РА
“О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ
АКТОВ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАО “ЭЙЧ-ЭС-БИ-СИ БАНК
АРМЕНИЯ”, “АКБА-КРЕДИТ АГРИКОЛЬ БАНК”,
“БАНК ВТБ-АРМЕНИЯ” И “АРЦАХБАНК”**

г. Ереван

28 июня 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатрянна, Г. Назаряна (докладчик), А. Петросян, В. Погосяна,
с участием:

представителей заявителей – А. Арутюняна, С. Гишяна, К. Петросяна и М. Мкояна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА С. Амбарцумян, ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конс-

титуции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” Конституции Республики Армения на основании обращения ЗАО “Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения”, “Акба-Кредит Агриколь Банк”, “Банк ВТБ-Армения” и “Арцахбанк”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА обращение ЗАО “Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения”, “Акба-Кредит Агриколь Банк”, “Банк ВТБ-Армения” и “Арцахбанк” от 29.03.2013 г.

Изучив сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Закон РА “О принудительном исполнении судебных актов” и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О принудительном исполнении судебных актов” принят Национальным Собранием РА 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 3 июня 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Оспариваемая по настоящему делу часть 1 статьи 26 упомянутого Закона, озаглавленной “Поворот исполнения судебного акта”, устанавливает:

“1. Если приведенное в исполнение решение отменено и принято новое решение о полном или частичном отказе в иске, либо производство по делу прекращено, либо иск оставлен без рассмотрения, то суд принимает судебный акт о полном или частичном возвращении должнику имущества в соответствии с новым судебным актом”.

2. Процессуальная предыстория настоящего дела сводится к следующему. 12 октября 2009 г. суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана вынес приговор по уголовному делу номер ԵՉԴ/0094/01/09, по которому признал гражданина Румынии Корнелия Константина Ромика Стенгачу виновным по ряду статей Уголовного кодекса РА и приговорил к 12 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества, но не более

64.142.000 драмов РА, с предусмотренной частью 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА конфискацией полученного преступным путем имущества. Суд удовлетворил гражданские иски заявителей по настоящему делу, решив взыскать с осужденного в пользу потерпевших в целом 25.457.000 драмов РА в качестве возмещения вреда, причиненного вследствие преступления. После вступления приговора в законную силу для принудительного исполнения приговора заявители в части удовлетворения их гражданского иска получили исполнительные листы, которые представили в Службу ПИСА МЮ РА, где узнали, что Прокуратура РА первая предъявила исполнительный лист о конфискации всего имущества осужденного, но не более, чем 64.142.000 драмов РА. Заявители по настоящему делу подали заявления в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш с требованием о толковании неточности вынесенного по вышеуказанному уголовному делу судебного акта в связи с положениями относительно исполнения приговора в части имущественных обязательств осужденного и конфискации имущества, полученного преступным путем. Суд своим решением от 3 июня 2010 г., толкуя неточность вынесенного приговора, отметил, что признанное вещественным доказательством и полученное преступным путем имущество подлежит конфискации независимо от того, является ли оно собственностью осужденного или какого-либо третьего лица или обстоятельства владения им, и что это имущество (сумма, вещи) не может быть конфисковано в пользу гражданских истцов, не может быть направлено на возмещение вреда, причиненного потерпевшим и гражданским истцам, а при исполнении приговора в части удовлетворенных гражданских исков конфискация распространяется на принадлежащие осужденному иные денежные средства и имущество. Апелляционные жалобы заявителей отклонены, а кассационные жалобы — возвращены.

На основании обращения заявителей по настоящему делу Конституционный Суд РА, приняв к рассмотрению вопрос соответствия части 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА Конституции РА (ПКС-983), постановил, что она в данном в правоприменительной практике толковании, в той части, которой после конфискации не гарантирует необходимую защиту имущественных интересов и права собственности потерпевшего (законного владельца), не соответствует требованиям части 5 статьи 20 и части 2 статьи 31 Конституции РА.

12 октября 2011 г. на основании вышеупомянутого Постановления Конституционного Суда заявители на основании нового обстоятельства подали апелляционную жалобу в Апелляционный уголовный суд РА с требованием отменить (в части непредусмотрения гарантий возвращения потерпевшим в первоочередном порядке имущества, полученного преступным путем и признанного вещественным доказательством) приговор суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш от 12 октября 2009 г. ԵՉԴ-0094/01/09 (в толковании, данном ему решением того же суда о толковании неясности приговора от 3 июня 2010 г.) и, в частности, осуществить поворот исполнения судебного акта, которое отклонено 14 ноября 2011 г. В результате рассмотрения принятой 30 марта 2012 г. кассационной жалобы Кассационный Суд РА отменил упомянутое решение Апелляционного уголовного суда РА и направил дело в тот же суд с требованием о новом рассмотрении. Решением Апелляционного уголовного суда РА от 14 июня 2012 г. апелляционные жалобы удовлетворены, в результате чего признанные вещественным доказательством денежные средства пропорционально распределены между потерпевшими. Одновременно не удовлетворено требование заявителей о повороте исполнения судебного акта (в части конфискованных в государственный бюджет вещественных доказательств) суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш. 13 июля 2012 г. заявители по настоящему делу по этому вопросу подали жалобу в Апелляционный уголовный суд РА, которая оставлена без рассмотрения с мотивировкой, что осуществление поворота исполнения судебного акта находится вне рамок компетенции этого суда. А кассационная жалоба возвращена решением Кассационного Суда РА от 24 сентября 2012 г.

3. Оспаривая часть 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” в толковании, данном ей Апелляционным уголовным судом РА 27 июля 2012 г. по делу ԵՉԴ-0094/01/09, ссылаясь на международные правовые документы и прецедентную практику Европейского суда по правам человека, а также Постановление Конституционного Суда РА от 12 июля 2011 г. ПКС-983, заявители находят, что они лишены средств эффективной и созвучной принятым Республикой Армения обязательствам защиты своих прав,

что, согласно заявителям, противоречит части 2 статьи 3, части 1 статьи 18 Конституции РА. Находят также, что лишаются возможности судебного рассмотрения их дела с целью защиты нарушенных прав, что несовместимо со статьей 19 Конституции РА. Оно в свою очередь приводит и к тому, что не защищается право собственности заявителей и они как потерпевшие по уголовному делу не получают компенсацию за причиненный им вред, что противоречит части 1 статьи 8 и части 5 статьи 20 Конституции. В результате сторона находит, что предложенное Апелляционным уголовным судом РА толкование положения, закрепленного в части 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов”, приводит к его антиконституционности.

4. Сторона-ответчик находит, что оспариваемые нормы Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” по существу являются гражданскими процессуальными нормами и что они регулируют “...вопрос поворота исполнения решения только в пользу должника, как способ защиты прав должника”.

Согласно ответчику, “в уголовном судопроизводстве поворот исполнения судебного акта предусмотрен для тех случаев, когда оправдательный приговор или решение о прекращении уголовного дела или преследования, на основании которого осуществлено возмещение вреда, отменен и в отношении соответствующего лица по тому же делу вынесен обвинительный приговор. В этом случае суммы, которые были выплачены в качестве возмещения вреда, может конфисковать суд в порядке поворота исполнения решения”.

Ответчик находит, что в Законе РА “О принудительном исполнении судебных актов” отсутствует возможность поворота исполнения судебного акта “...от одного лица в пользу потерпевшего”. И подобное правовое регулирование, согласно стороне-ответчику, вовсе не обусловлено отсутствием в оспариваемой норме термина “приговор”, оно направлено на защиту интересов должника. Однако, как считает ответчик, есть “... законодательный пробел, который не регулирует вопрос поворота исполнения судебного акта в пользу потерпевшего и в условиях которого не обеспечивается возможность эффективного восстановления нарушенных прав лиц”.

5. В рамках настоящего дела при оценке конституционности оспариваемого правового регулирования Конституционный Суд считает необходимым обратиться к правовым позициям, выраженным в Постановлении Конституционного Суда от 12 июля 2011 г. ПКС-983 постольку, поскольку вопрос предмета рассмотрения касается позитивной обязанности государства по защите собственности частных лиц от незаконных действий других, а также гарантирования эффективной защиты прав и законных интересов лиц, понесших имущественный вред в рамках исполнения этой обязанности. В этом аспекте оспариваемая норма непосредственно устанавливает порядок и условия поворота по определенным конкретным основаниям исполнения приведенного в исполнение решения в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, что, в целом, является гарантией защиты имущественных прав лиц, пострадавших вследствие правонарушения, а также реализации гарантированного Конституцией права на справедливое судебное разбирательство и принципа доступности правосудия.

Из содержания оспариваемого правового регулирования Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” следует, что в процессуальном смысле вопрос поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда может решаться, если:

- имеется приведенное в исполнение решение суда, и
- приведенное в исполнение решение суда отменено компетентной судебной инстанцией и вынесен новый судебный акт о полном или частичном отклонении иска, производство по делу прекращено, либо иск оставлен без рассмотрения.

При наличии вышеупомянутых правовых условий компетентный суд выносит судебный акт, то есть приговор или решение, о полном или частичном возвращении имущества (движимое, недвижимое) заинтересованной стороне — должнику (то есть лицу, в соответствии с прежним судебным актом несущему обязанность в отношении другой заинтересованной стороны) в соответствии с новым судебным актом. То есть, однозначно, что институт поворота исполнения решения **призван регулировать гражданско-правовые отношения** в связи с восстановлением (возмещением) материального ущерба, причиненного лицу (лицам) исполнением судебного акта, вынесенного в результате судебной ошибки (новых или вновь открывшихся или иных обстоятельств).

В части 2 статьи 26 вышеупомянутого Закона предусмотрены условия поворота исполнения того судебного акта, который еще не приведен в исполнение.

В материально-правовом смысле вопрос поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда может решаться в таких частных случаях, когда имеются предусмотренные законом основания отмены (полной или частичной) вынесенного судом акта, прекращения производства по делу, оставления иска без рассмотрения, следовательно и правовая необходимость устранения возникших вследствие приведения в исполнение этого акта правовых последствий (восстановления предшествующего вынесению этого акта правового положения, прежних прав и обязанностей заинтересованной стороны (потерпевшего), обусловленного обстоятельствами дела). То есть, целью поворота приведенного в исполнение решения суда является обеспечение осуществления справедливого и эффективного правосудия (осуществления целей правосудия), а объект – **имущественное право** и обусловленные им взаимные права и обязанности сторон, правомерность их реализации в рамках данного гражданско-правового спора. То есть, применением института поворота исполнения решения государство, в лице компетентного суда, имеет цель исполнять свою позитивную обязанность по защите собственности лиц (в том числе от противоправных действий других), что является также одной из основных проблем осуществления правосудия.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что институт поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда является важной гарантией в аспекте защиты прав и свобод лиц как в соответствии со статьями 8, 18 и 19, так и другими статьями Конституции РА, и в рамках правового регулирования, являющего предметом спора по настоящему делу, он сам по себе не может вызвать вопрос конституционности, если законодательством предусмотрена эффективная процедура его реализации, в частности, возможность **быстрого, полноценного и эффективного** восстановления прав и свобод лиц, нарушенных вследствие приведения в исполнение неправомерного судебного акта. Изучение прилагаемых к обращению документов и, в частности, судебных актов свидетельствует, что поставленные вопросы заявителей относительно предмета спора по настоящему делу по своему содержанию содержат фактическое требование

необходимости гарантирования таких процедур **восстановления причиненного преступлением ущерба**, которое, как следует из имеющейся в деле процессуальной предыстории, несмотря на то, что непосредственно не было связано с вопросом необходимости применения института поворота исполнения приведенного в исполнение решения по гражданскому делу, однако в соответствии с общими целями правового регулирования направлено также на решение этого вопроса. Следовательно, руководствуясь требованиями статьи 19 Закона РА “О Конституционном Суде”, в рамках настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть также вопрос необходимости гарантирования конституционно-правовых принципов восстановления материального (имущественного) ущерба, причиненного лицам преступлением, и в особенности вопрос необходимости законодательных регулирований, соответствующих правовым позициям, выраженным в своих прежних постановлениях по этому вопросу.

6. Комплексное изучение законодательных актов, регулирующих процессуальные отношения в рамках вопросов, являющихся предметом рассмотрения по настоящему делу, свидетельствует, что на уровне регулирования закона в достаточной мере еще нет эффективных процедур возмещения материального вреда, причиненного лицу правонарушением. В частности, Конституционный Суд обозначает необходимость последовательного применения на уровне законодательного регулирования такого концептуального подхода, при котором будет гарантировано быстрое, полное и эффективное (справедливое) восстановление (возмещение) этого ущерба **по единой процедуре правосудия в рамках одного дела, по возможности в упрощенном порядке**. Необходимость гарантирования законом таких правовых условий является конституционно-правовым требованием, следует из статей 1, 3, 14, 14.1, 18, 19 и многих других статей Конституции РА. Необходимость осуществления правосудия обеспечением этих гарантий обозначена также Постановлениями Конституционного Суда (ПКС-929, ПКС-983).

Констатируя их первостепенную важность, имея в виду особенности рассмотрения Постановлением от 12 июля 2011 года ПКС-983 вопроса конституционности правового регулирования (части 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА), системно взаимосвязанного с вопросом,

являющимся предметом спора по настоящему делу, Конституционный Суд обращает внимание на следующие свои правовые позиции, выраженные в особенности этим Постановлением;

- “ ... принцип неприкосновенности собственности не только означает, что собственник, как носитель субъективных прав, правомочен требовать, чтобы другие не нарушали его право собственности, но также предполагает обязанность государства защищать собственность лица от незаконных посягательств. Эта обязанность государства в ситуации, являющейся предметом спора, требует **обеспечить эффективный механизм защиты имущественных прав лиц, пострадавших от преступления, и восстановления понесенного ущерба**”;
- “... Если в случае установленной частью 1 статьи 55 конфискации как дополнительного вида наказания объектом конфискации является исключительно **законное** имущество осужденного, то объект конфискации, предусмотренной оспариваемой частью 4 той же статьи, иной, чем законное имущество осужденного, то есть то имущество, которое приобретено в результате совершения преступления, и, как правило, **является собственностью потерпевшего**”;
- “ ... при конфискации имущества, полученного преступным путем, цель конфискации – отобрание у осужденного полученного преступным путем имущества, при котором право собственности осужденного не ограничивается. Следовательно, учитывая, что имущество, полученное преступным путем, как правило, является собственностью потерпевшего, при конфискации этого имущества восприятие понятия конфискации по смыслу части 1 статьи 55 Уголовного кодекса РА, а именно безвозмездный переход конфискованного имущества в собственность государства без восстановления права собственности потерпевшего, недопустимо, так как при подобном восприятии мероприятие по конфискации непосредственно направляется против права собственности потерпевшего, неправомерно ограничивая его право собственности. Конституционный Суд находит, что **безвозмездная передача этого имущества в собственность государства блокирует возможность удовлетворения имущественных интересов потерпевших за счет полученного прес-**

тупным путем имущества, и восстановления нарушенного права собственности”;

- “ ... стержневое значение имеет вопрос гарантирования восстановления причиненного потерпевшим вследствие преступления ущерба в процессе применения оспариваемых норм относительно конфискации имущества, полученного преступным путем, также как конституционно-правовая обязанность государства, закрепленная в частности, в статьях 3, 20 (часть 5), 43 (часть 2) Конституции РА”;
- “ ... деньги, иные ценные бумаги и другие предметы, вышедшие из законного владения вследствие преступления, передаются владельцу, собственнику или их правопреемникам ... деньги, иные ценные бумаги и другие предметы, добытые преступным путем, по приговору суда обращаются на возмещение судебных расходов, возмещение причиненного преступлением вреда, а если понесшее ущерб лицо неизвестно, обращаются в доход государства. Одновременно, в соответствии с этими положениями в пункте 17 части 1 статьи 59 и пункте 3 части 2 статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса РА закреплены соответственно право потерпевшего и право гражданского истца получить обратно имущество, изъятое у него в качестве вещественного доказательства органом, осуществляющим уголовное производство”;
- “Конституционный Суд констатирует, что часть 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА, согласно которой имущество, полученное преступным путем, подлежит конфискации независимо от того обстоятельства, является оно собственностью осужденного или какого-либо третьего лица либо они являются его владельцами, не предусматривает в качестве условия необходимую защиту права собственности потерпевшего в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 119 Уголовно-процессуального кодекса РА. В подобной ситуации не только возникли внутрисистемные противоречия, но и идентифицированы институт конфискации имущества осужденного как вид наказания и институт конфискации имущества, добытого преступным путем. В правоприменительной практике оспариваемое правовое регулирование получило такое толкование, когда в случае конфискации имущества, полученного пре-

тупным путем, это имущество полностью безвозмездно переходит в собственность государства без защиты права собственности и имущественных интересов потерпевшего (законного владельца)».

Таким образом, Конституционный Суд, своим вышеупомянутым Постановлением обозначая гарантирование в правоприменительной практике правомерного применения института возмещения причиненного преступлением вреда, предопределил конституционно-правовые принципы обеспечения его законодательного регулирования, которые будут выступать гарантией для комплексного и эффективного правового регулирования вопроса, являющегося предметом спора по настоящему делу, а также формирования дальнейшей единой судебной практики.

Вышеупомянутые правовые позиции, имея в виду сформировавшуюся правоприменительную практику, должны учитываться также Прокуратурой РА в аспекте гарантирования восстановления нарушенных прав потерпевших в рамках своей компетенции.

Одновременно, исходя из требований пунктов 1 и 2 статьи 83.5 Конституции РА, задача и обязанность Национального Собрания РА – преодолеть пробел в правовом регулировании, установить четкие положения для обеспечения возможности полного восстановления нарушенных прав лиц в рамках проблемы, являющейся предметом рассмотрения.

7. Изучение международной практики свидетельствует, что имеются разные решения законодательного правового регулирования возмещения вреда, причиненного лицам преступлением. Однако их обобщенный анализ свидетельствует о следующих основных подходах:

- вопрос возмещения причиненного правонарушением ущерба решается в рамках одного производства, в некоторых случаях предоставляя заинтересованным лицам возможность выбрать вид процесса (гражданский или уголовный);
- предусмотрение четкой процедуры удовлетворения требования возвращения какого-либо добытого в результате правонарушения имущества его законному владельцу;
- иск о возмещении вреда может быть подан в тот же суд, рассматривающий дело, в случае чего лицо лишается возможности одновременного обращения в другой суд общей юрисдикции;

- действия суда по уголовному делу по возмещению вреда без каких-либо оговорок регулируются в гражданском процессуальном порядке;
- следующий из уголовного дела гражданский иск рассматривается в соответствии с правилами гражданского процесса;
- гражданский иск о возмещении вреда может быть предметом рассмотрения в суде независимо от результатов расследования по уголовному делу;
- параллельно с основным ущербом по гражданскому иску может быть предъявлено также требование о возмещении морального ущерба;
- в некоторых случаях требование о возмещении вреда в суде может представляться даже в устном порядке, которое может быть рассмотрено незамедлительно;
- если производство осуществляется в рамках уголовного процесса, то требование о возмещении вреда является предметом рассмотрения только в данном суде;
- иск о возмещении вреда в порядке гражданского процесса может быть предметом рассмотрения, если приобретенных в рамках уголовного производства фактов недостаточно;
- до окончания судебного разбирательства по уголовному делу могут быть предприняты неотложные меры по обеспечению гражданского иска о возмещении вреда;
- иск о возмещении вреда может включать требование возвращения имущества;
- в рамках уголовного дела решение суда о возмещении вреда в этой части может быть обжаловано в соответствии с правилами гражданского судопроизводства.

8. Изучение прецедентного права Европейского суда по правам человека относительно возмещения причиненного преступлением вреда свидетельствует, что этот суд в аспекте обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда определение средств подачи жалобы рассматривает в рамках широкого усмотрения государства. Тем не менее:

- отметил, что задержавшееся возмещение, которым на заявителя возлагается несоразмерное обязательство, в результате нарушает

баланс, который должен быть между защитой права собственности лица и общим интересом (CASE OF KAROLY HEGEDŰS v. HUNGARY, (Application no. 11849/07), JUDGMENT, November 2011, FINAL, 03/02/2012),

- пришел к выводу, что гражданский иск о возмещении принципиально является эффективным средством судебной защиты (см. Lukenda v. Slovenia, no. 23032/02, § 59, ECHR 2005-X; Jazbec v. Slovenia, no. 31489/02, § 75, 14 December 2006; Varacha v. Slovenia, no. 9303/02, § 32, 9 November 2006, and Lakota v. Slovenia, no. 33488/02, § 35, 7 December 2006; a contrario, Ommer v. Germany (no. 1), no. 10597/03, § 75, 13 November 2008);
- констатировал, что § 1 статьи 6 Конвенции представляет собой “право суда”, связанная с которым доступность суда, то есть право возбуждения в суде производства по гражданскому иску является одним его элементом (см. The Holy Monasteries v. Greece judgment of 9 December 1994, Series A no. 301-A, pp. 36-37, para. 80). Затем добавил, что несомненно, § 1 статьи 6 применим к искам о возмещении вреда, возникшего в результате плохого отношения государственных должностных лиц (см. The Tomasi judgment cited at paragraph 61 above, p. 43, paras. 121-22), (CASE OF AKSOY v. TURKEY, (Application no. 21987/93), JUDGMENT, 18 December 1996).

Внедренные в рамках Совета Европы правовые принципы по вопросу возмещения причиненного преступлением вреда сводятся к следующему:

- потерпевшая сторона должна уведомляться о возможностях получения возмещения вреда, юридической помощи и консультации в ходе уголовного судопроизводства;
- суд по уголовным делам должен иметь возможность вынести решение о предоставлении потерпевшему возмещения совершившим преступление лицом;
- существующие с этой целью ограничения, границы и технические препятствия, мешающие практическому осуществлению такой возможности, должны быть устранены;
- вся информация о всех понесенных потерпевшим убытках и ущербе должна быть доступна суду, чтобы при вынесении решения о форме и размере наказания он мог учитывать:

- а) необходимость получения потерпевшим возмещения вреда;
- б) возмещение совершившим преступление лицом причиненного вреда или приложенные с этой целью усилия;
  - на этапе исполнения приговора, если возмещение является уголовной санкцией, то оно должно осуществляться в порядке, установленном для сбора штрафов, и быть первоочередным по отношению к иной финансовой санкции любого вида, наложенной на совершившее преступление лицо. Во всех остальных случаях потерпевшему по возможности должно оказываться содействие в сборе суммы (Рекомендация No. R (85) 11 on the position of the victim in the framework of criminal law and procedure (Adopted by the Committee of Ministers on 28 June 1985 at the 387th meeting of the Ministers' Deputies)).

Одновременно обозначено также, чтобы:

- было оказано содействие в получении возмещения, выплачиваемых страховыми компаниями или иными организациями сумм, и, при возможности, в вопросе получения возмещения выплачиваемого государством (Рекомендация Rec(2006)8 of the Committee of Ministers to member states on assistance to crime victims (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2006 at the 967th meeting of the Ministers' Deputies));
- государства предприняли необходимые меры для обеспечения доступности средств гражданской защиты потерпевших и обеспечили в разумный срок право на доступность компетентных судов и в соответствующих случаях – юридическую помощь;
- государства в рамках уголовного судопроизводства установили для потерпевших процедуры требования от совершившего преступление лица возмещения вреда. Потерпевшим должна предоставляться также консультация и помощь в составлении этих исков и взыскании установленных платежей;
- возмещение предоставлялось для восстановления физического и морального ущерба и излечения (приложение к Рекомендации Rec(2006)8).

9. Конституционный Суд РА находит, что на уровне законодательного регулирования вопроса, являющегося предметом спора по настоящему делу, должны учитываться также вышеупомянутые концеп-

туальные подходы, признанные также в международной практике, как требования, непосредственно исходящие из положений статьи 3 Конституции РА.

Тем не менее, до законодательных уточнений, необходимость которого признает и ответчик по настоящему делу, должно гарантироваться исполнение решения Апелляционного уголовного суда РА, принятого именованной Республикой Армения 14.06.2012 г., об отмене приговора суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана от 12 октября 2009 г. в части гражданского иска и о пропорциональном распределении потерпевшим признанной вещественным доказательством эквивалентной 25.000 евро суммы в драмах РА и суммы 4.040.000 драмов РА. Из материалов дела очевидно, что существующая ситуация свидетельствует о проявлении формального подхода к реализации принципа верховенства права.

Конституционный Суд РА находит, что с точки зрения защиты субъективных прав заявителей, пожалуй, действенной должна быть также роль Прокуратуры РА, так как на основании представленного ею исполнительного листа средства возмещения, выделенные судом заявителям, были заранее перечислены в Государственный бюджет РА.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть первая статьи 26 Закона Республики Армения “О принудительном исполнении судебных актов” соответствует Конституции Республики Армения, учитывая правовые позиции, выраженные в настоящем Постановлении.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**28 июня 2013 года
ПКС-1102**

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 204.38 ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ “ВАНАДЗОРСКИЙ
ОФИС ХЕЛЬСИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АССАМБЛЕИ”**

г. Ереван

18 сентября 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), Ф. Тохяна, М. Топузяна, А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна, с участием:

представителей заявителя А. Зейналяна и А. Казаряна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА - главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА С. Амбарцумян, ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

представителей Кассационного Суда РА Л. Дрмеяна и Р. Махмудяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конс-

титуции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по устной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 2 статьи 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинской гражданской ассамблеи”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 01.03.2013 г. обращение Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинской гражданской ассамблеи”.

Представители заявителя в представленном в Конституционный Суд обращении посчитали целесообразным соединить настоящее дело с делом об определении вопроса соответствия части 2 статьи 426.9 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения, учитывая схожесть предмета рассмотрения. Конституционный Суд РА вопрос конституционности части 2 статьи 426.9 Уголовно-процессуального кодекса РА рассмотрел отдельно, учитывая, что наряду со схожестью содержания данных правоотношений, в обеих Палатах Кассационного Суда РА по данному вопросу сформировалась различная правоприменительная практика, а также возникла необходимость еще более разносторонне изучить правовые прецеденты, сформировавшиеся в Палате по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА в связи с настоящим вопросом. Исходя из этих соображений, Конституционный Суд РА 4 июля 2013 года отложил рассмотрение по настоящему делу, определив, в частности, организовать судебное разбирательство дела по устной процедуре, а также, “имея в виду, что в судебной практике относительно предмета рассмотрения имели место различные толкования и учитывая, что в ходе рассмотрения данного вопроса появилась необходимость услышать также разъяснения представителя Кассационного Суда РА, следовательно, на устное судебное разбирательство по делу пригласить также наделенного соответствующим правомочием представителя Кассационного Суда РА и предложить Кассационному Суду РА обеспечить участие последнего в судебном разбирательстве”. Этим же решением Конституционный Суд также потребовал у Судебного департамента РА “... в одномесячный срок представить в Конституционный Суд РА копии решений, принятых по всем без исключения делам, рассмотренным пос-

ле 2006 года в Палате по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА на основании новых обстоятельств”.

В установленный срок Судебный департамент РА представил в Конституционный Суд 150 решений, принятых в Палате по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА на основании новых обстоятельств.

Прослушав сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, разъяснения представителей Кассационного Суда РА, исследовав Гражданский процессуальный кодекс РА и имеющиеся в деле другие документы, в том числе решения, принятые Палатой по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА на основании новых обстоятельств, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский процессуальный кодекс РА (далее - Кодекс) принят Национальным Собранием РА 17 июня 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 7 августа 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Статья 204.38 Кодекса, озаглавленная “Правила пересмотра судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам”, устанавливает:

“1. Если настоящим разделом не предусмотрены особые правила, то на производство по пересмотру судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам распространяются общие правила настоящего Кодекса.

2. В судебном акте, вынесенном в результате этого производства, суд может не менять резолютивную часть пересмотренного судебного акта, если только посредством веских аргументов обосновывает, что предусмотренные статьей 204.32 или 204.33 настоящего Кодекса обстоятельства по существу не могли повлиять на исход дела.

3. Судебный акт Апелляционного суда в установленном законом общем порядке может быть обжалован в Кассационный Суд”.

В силу Закона от 26.10.11 г. ЗР-269-Н статья 204.38 Кодекса была изложена в новой редакции.

2. Заявитель, ссылаясь на правовые позиции, выраженные в Постановлениях Конституционного Суда РА ПКС-943 от 25.02.2011 г. и

ПКС-984 от 15.07.2011 г., полагает, что если не будет обеспечен установленный в упомянутых Постановлениях порядок, а именно: постановление Конституционного Суда, по которому положение закона признано противоречащим Конституции либо соответствующим Конституции, однако в резолютивной части постановления раскрыто его конституционно-правовое содержание, и Конституционный Суд посчитал, что данное положение применено в ином толковании, не послужит эффективным толчком для возобновления производства по делу в судах общей юрисдикции и основанием отмены судебного акта, применившего неконституционную норму, то гарантированное пунктом 6 статьи 101 Конституции РА “право лица на обращение в Конституционный Суд” будет нереальным, а инициирование конституционно-правового спора в Конституционном Суде утратит смысл.

Проанализировав законодательные изменения, внесенные в статью 204.38 Кодекса на основании Постановления Конституционного Суда ПКС-984, заявитель заключает, что они противоречат выраженной в указанном Постановлении Конституционного Суда правовой позиции в том, что пересмотр судебного акта, применившего неконституционную норму, должен произойти *ipso facto* (в силу самого факта), что предполагает, что для пересмотра единственным условием должен быть факт применения в судебном акте неконституционной нормы, и никакое иное обстоятельство, условие, факт или аргумент не могут быть представлены в качестве альтернативы или установлены в дополнение к указанному факту.

3. Сторона-ответчик находит, что оспариваемая правовая норма соответствует Конституции РА, так как, не исключая той возможности, что новое или вновь открывшееся обстоятельство по делу может не повлиять на исход дела, законодатель в качестве исключительного случая и одновременно гарантии защиты прав и законных интересов лиц, представивших обращение о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотрел, что суд на основании веских аргументов может не менять резолютивную часть судебного акта. Однако, по оценке последнего, предусмотренная оспариваемым положением возможность вынесения в предусмотренном Кодексом общем порядке судебного акта по возбужденному на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств производству и

неизменения резолютивной части пересмотренного судебного акта, по сути, касается только нового судебного акта, выносимого в результате нового рассмотрения дела после отмены судебного акта. То есть когда в рамках производства по пересмотру подтверждается факт наличия нового или вновь открывшегося обстоятельства, то в результате производства по пересмотру пересмотренные судебные акты должны быть признаны утратившими силу. В результате производства по пересмотру данное дело либо может быть направлено на новое разбирательство в суд, рассматривавший дело, либо суд, отменивший судебный акт, может изменить отмененный акт, если подтвержденные фактические обстоятельства дают возможность вынести новый судебный акт без нового разбирательства, учитывая характер констатированного нарушения и его влияние на исход дела. Таким образом, согласно ответчику, наличие вновь открывшихся обстоятельств, соответствующих актов Конституционного Суда РА или Европейского суда по правам человека само по себе не может предопределить исход дела, не может привести к оправданию или обвинению лица. В этом вопросе необходимо учитывать характер констатированного нарушения и посредством равноценных правовых мер исправить его по принципу “восстановления положения, существовавшего до нарушения”.

На основании вышеизложенного сторона-ответчик находит, что, оценив в результате производства по пересмотру характер нарушения и его влияние на исход дела, должен быть вынесен новый судебный акт в предусмотренном законодательством общем порядке. Следовательно, согласно стороне-ответчику, **оспариваемое положение Кодекса** соответствует требованиям статей 3, 6, 18, 19, 93 и пункта 6 статьи 101 Конституции РА постольку, **поскольку исключает возможность оставления в законной силе судебного акта, нарушающего конституционные или конвенционные права лица.**

4. Процессуальная предыстория по настоящему делу сводится к следующему: заявитель обратился в Административный суд РА с требованием признать факт нарушения права на свободу информации, отменить приказ министра обороны РА о развернутом ведомственном перечне сведений, подлежащих засекречиванию, и обязать предоставить информацию по запросу от 10.02.2010 г. номер Е/2010-051. Решением Административного суда РА от 23.11.2010 г. иск был откло-

нен. Против упомянутого судебного акта была подана апелляционная жалоба. Решением Административного апелляционного суда РА от 16.03.2011 г. апелляционная жалоба организации была отклонена, а решение от 23.11.2010г. оставлено без изменений. Решением Кассационного Суда РА от 18.05.2011 г. кассационная жалоба заявителя была возвращена.

Конституционный Суд 06.03.2012 г. по делу на основании обращения Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинской гражданской ассамблеи” о признании несоответствующими Конституции РА и недействительными пункта “е” части 4 статьи 8, частей 6 и 7 статьи 12 Закона РА “О государственной и служебной тайне” вынес Постановление ПКС-1010.

На основании Постановления Конституционного Суда ПКС-1010 по делу о жалобе заявителя о пересмотре на основании нового обстоятельства решения Кассационного Суда РА от 18.05.2011 г. “О возвращении кассационной жалобы” Кассационный Суд РА решением от 27.06.2012 г. принял кассационную жалобу к производству, вследствие чего решением от 25.12.2012 г. отклонил вышеуказанную кассационную жалобу заявителя.

5. Из изучения обращения следует, что заявитель выдвигает вопрос правовой возможности оставления в законной силе судебного акта, принятого с применением правовой нормы, признанной неконституционной в рамках производства по пересмотру судебного акта на основании новых обстоятельств. То есть заявитель оспаривает часть 2 статьи 204.38 Кодекса с точки зрения производства по пересмотру судебного акта на основании только новых, а не вновь открывшихся обстоятельств, следовательно, в рамках разбирательства по настоящему делу Конституционный Суд делает предметом рассмотрения вопрос конституционности части 2 статьи 204.38 Кодекса только с точки зрения производства по пересмотру судебного акта на основании новых обстоятельств.

6. Конституционный Суд РА в своем Постановлении от 31 мая 2013 года ПКС-1099, вновь обращаясь к конституционно-правовому содержанию института новых обстоятельств, констатирует, что “Конституционный Суд РА в ряде своих Постановлений (в частности ПКС-

701, ПКС-751, ПКС-758, ПКС-767, ПКС-833, ПКС-866, ПКС-871, ПКС-935, ПКС-943, ПКС-984), а также в годовых сообщениях о ситуации по исполнению постановлений Конституционного Суда обратился к проблемам правового регулирования института пересмотра судебных актов на основании новых обстоятельств, выдвинув ту концептуальную позицию, что эффективная реализация права лица на обращение в Конституционный Суд требует такого полноценного законодательного регулирования пересмотра судебных актов на основании постановления Конституционного Суда, которое даст возможность лицу восстановить свое конституционное право, нарушенное вследствие применения нормативного акта, признанного Конституционным Судом противоречащим Конституции”.

Конституционный Суд в пункте 7 Постановления от 15.07.2011 г. ПКС-984 выразил следующие правовые позиции: “... пересмотр применившего неконституционную норму судебного акта на основании постановления Конституционного Суда должен в силу факта (*ipso facto*) привести к отмене судебного акта, применившего неконституционную норму. Что касается полномочий компетентного органа вследствие отмены, то Конституционный Суд находит, что **данное дело, будучи обусловленным особенностями каждого конкретного дела, может быть либо отправлено на новое разбирательство в суд, рассмотревший дело, либо суд, отменивший судебный акт, может изменить отмененный акт, если подтвержденные фактические обстоятельства дают возможность вынести новый судебный акт без нового рассмотрения, учитывая факт признания примененной правовой нормы противоречащей Конституции РА**”.

Обращая внимание Национального Собрания РА и Кассационного Суда РА на выраженные Конституционным Судом в Постановлении от 15.07.2011 г. ПКС-984 правовые позиции и международные правовые подходы, в Постановлении ПКС-1099 Конституционный Суд РА повторно констатировал, что “... конституционно-правовое содержание института пересмотра судебных актов на основании новых обстоятельств приводит к тому, что посредством этого института **обеспечивается восстановление нарушенных конституционных и/или конвенционных прав**. Последнее, исходя из основополагающих принципов правового государства, требует устранения негативных последствий, возникших для потерпевшего вследствие нарушения,

что в свою очередь требует по возможности **восстановить положение, имевшее место до правонарушения (restitutio in integrum)**.

Конституционный Суд в том же Постановлении выразил четкую правовую позицию о том, что "... Конституционный Суд находит, что термин "пересмотр судебного акта" на основании нового обстоятельства по своему содержанию равноценен содержанию терминов "возобновление дела", "повторное открытие производства по делу", и **такое восприятие понятия пересмотра судебного акта должно определять содержание производства по пересмотру, его задачи и вопросы, подлежащие решению в его рамках**. В соответствии с этим в рамках производства по пересмотру судебного акта, то же, что и производства по пересмотру дела, должны быть предприняты такие меры, которые обеспечат пересмотр дела, его новое рассмотрение, что возможно только **в условиях отмены вступивших в законную силу судебных актов, применивших неконституционную норму**. Институт пересмотра может служить своей цели только в том случае, когда будет обеспечено новое рассмотрение данного дела в условиях наличия факта неконституционности примененной нормы и нарушения конвенционного права, **учитывая также правовые позиции Конституционного Суда и Европейского суда по правам человека, выраженные в судебном акте, являющемся новым обстоятельством**.

Пересмотр судебного акта на основании нового обстоятельства неизбежно должен ipso facto привести к отмене применившего неконституционную норму судебного акта и судебного акта, допустившего нарушение конвенционного права".

В числе выраженных в данном Постановлении и имеющих важное значения для настоящего дела указанных правовых позиций, а также в ряде других правовых позиций Конституционный Суд РА констатировал, что **"в том случае, когда суды смогут избежать простого формального перечисления норм закона и применение нормы закона получит реальное содержание, неизбежным станет также пересмотр содержания резолютивной части в результате полного пересмотра дела"**. Конституционный Суд констатировал также, что "... дополнительное требование, предусмотренное являющимся предметом спора положением, преследует правомерную цель. Его необходимо рассматривать не как право или субъективное усмотрение для оставления неизменным судебного акта, а как **нормативное обя-**

зательство относительно представления в подобных возможных случаях обоснования с приведением веских аргументов. Просто такое правовое регулирование также подразумевает надлежащий уровень правовой культуры и правовую конкретизацию дискреционных границ термина “обоснование с приведением веских аргументов”, что является задачей законодателя и создания равнозначного судебного прецедента. Учитывая, что этот термин закреплен также в других статьях (в частности, часть 4 статьи 8 Уголовно-процессуального кодекса РА, часть 2 статьи 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА), Национальное Собрание РА и Кассационный Суд РА в рамках своей компетенции обязаны, исходя из требований принципа правовой определенности, обеспечивать единообразное восприятие и применение данного положения. Необходимо также учитывать, что в условиях отсутствия подобных аргументов оставление резолютивной части пересмотренного судебного акта без изменений будет противоречить принципу верховенства права и основополагающим ценностям правового государства”. Конституционный Суд учитывает то важное обстоятельство, что аргумент может считаться “весомым”, если он имеет исходное и решающее значение для равноценного заключения.

7. Учитывая, что Конституционный Суд РА, как отмечалось, неоднократно обращался к конституционно-правовому содержанию института рассмотрения дела на основании новых обстоятельств, считает важным также обращение к правовой практике внедрения в нашей стране после конституционных реформ 2005 года индивидуальных обращений для полного и четкого ответа на вопросы, выдвинутые в настоящем деле. Исходя из требований части 1 статьи 63 Закона РА “О Конституционном Суде”, из всестороннего изучения около 150 решений, принятых за последние годы Палатой по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА, следует, что в 92.3 процентах случаев по рассмотренным делам в рассмотрении дела на основании новых обстоятельств просто было отказано и жалобы были возвращены. Только в 7.7 процентах случаев жалобы на основании новых обстоятельств были удовлетворены в аспекте начала процесса пересмотра ранее вынесенных судебных актов об отказе в принятии к рассмотрению жалоб. Однако во всех случаях окончательный судеб-

ный акт ни по одному делу не был пересмотрен. Это в том случае, когда являющаяся предметом спора по настоящему делу статья (часть 2) четко устанавливает, что в рамках производства по пересмотру судебного акта на основании новых обстоятельств только с приведением веских аргументов суд может не менять резолютивную часть **пересмотренного судебного акта**. Конституционный Суд констатирует, что в данном контексте речь идет только о **пересмотренном судебном акте, на что в судебной практике не обращается должное внимание**.

Конституционный Суд находит, что более половины изученных решений вызывают вопросы в аспекте гарантирования верховенства Конституции и сформировали правоприменительную практику, не соответствующую основополагающему принципу верховенства права, следовательно, с точки зрения оценки их правоприменительной практики необходимо отдельное обращение к этому вопросу. Дело в том, что по конкретным делам институт конституционного контроля системно взаимосвязан с институтом пересмотра судебного акта на основании новых обстоятельств, суть которых заключается в том, что при наличии соответствующих оснований в результате пересмотра конкретного судебного акта на основании соответствующего постановления Конституционного Суда по делу данного физического или юридического лица выносится новый судебный акт, отличающийся от судебного акта, вынесенного по данному делу ранее, до постановления Конституционного Суда. В этом контексте Конституционный Суд констатирует, что необходимо различать термины “возбуждение производства по пересмотру на основании новых обстоятельств” и “пересмотр судебного акта на основании новых обстоятельств”. Так, возбуждение производства по пересмотру судебного акта на основании новых обстоятельств происходит при решении вопроса о принятии жалобы о пересмотре судебного акта на основании новых обстоятельств, в ходе которого, принимая за основание статьи 204.33, 204.36 и 204.37 Гражданского процессуального кодекса РА, не может быть оценено влияние примененной по делу заявителя неконституционной нормы на заключение суда. В данном случае в силу правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда ПКС-984, если нет оснований для возвращения жалобы, то суд, пересматривающий судебный акт, **обязан не только возбудить производство по перес-**

мотру, но и в результате этого отменить пересматриваемый судебный акт, иначе в основании судебного акта по-прежнему будет оставаться правовая норма, противоречащая Конституции и признанная недействительной или примененная в каком-либо ином, отличном от толкования Конституционного Суда смысле. Что касается пересмотра судебного акта на основании новых обстоятельств, то это процесс, следующий за отменой пересматриваемого судебного акта, только в ходе которого может оцениваться влияние нового обстоятельства на исход дела, чем и обусловлена необходимость изменения или неизменения резолютивной части пересматриваемого судебного акта. В противном случае будет искажена сущность института конституционного контроля по конкретным делам и системно взаимосвязанного с ним института пересмотра судебного акта на основании новых обстоятельств. Причем, как констатировано в Постановлении ПКС-984, пересматривающие судебный акт Апелляционный и Кассационный суды по Гражданскому процессуальному кодексу РА правомочны либо отменить пересматриваемый судебный акт и отправить дело на новое рассмотрение или отменить пересматриваемый судебный акт и изменить его.

8. В контексте вышеперечисленных правовых позиций Конституционного Суда РА обращаясь к ситуации, сложившейся в судебной практике РА в связи с правовым институтом новых обстоятельств по гражданским и административным делам, Конституционный Суд РА констатирует, что существует не только противоречивая правоприменительная практика, но и очевидно, что во многих случаях в возобновлении дела на основании новых обстоятельств отказывают на основании аргументов, не равноценных конституционно-правовому содержанию этого института. Типичным примером могут служить, например, рассмотренные в 2007 году дела, основанные на появлении новых обстоятельств в результате Постановления Конституционного Суда от 09.04.2007 г. ПКС-690. В пункте 3 этого Постановления Конституционный Суд РА нашел, что “пункт 2 статьи 231.1 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения (в редакции от 7 июля 2006 года):

а) в аспекте установления срока вынесения решения о возвращении кассационной жалобы соответствует Конституции Республики Армения;

б) в аспекте непредусмотрения обязательного условия мотивации решения о возвращении кассационной жалобы, следовательно, также необеспечения эффективности правосудия, правовых гарантий его достаточной доступности признать противоречащим требованиям статей 3, 6 (части 1 и 2), 18 (часть 1) и 19 (часть 1) Конституции Республики Армения и недействительным”.

При подобном обстоятельстве Кассационный Суд РА отказал в возбуждении производства по пересмотру решения на основании новых обстоятельств, посчитав, что Конституционный Суд не распространил свое постановление “... на правоотношения, предшествующие вступлению в силу этого постановления”. Очевидно, что в рамках толкования требований статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде”, в частности ее частей 10, 12 и 13, не могут игнорироваться требования частей 12 и 13 статьи 69 того же Закона. Институт ретроспективности постановления Конституционного Суда в первую очередь касается абстрактного конституционного контроля, а процессуальные процедуры и особенности конкретного конституционного контроля на основании индивидуальных обращений установлены статьей 69 Закона РА “О Конституционном Суде”. Часть 11 последней ссылается также на части 6-17 статьи 68 Закона, подчеркивая, что при рассмотрении **всех других обстоятельств** в связи с указанными в настоящей статье делами и принятии постановлений по этим делам применяются правила указанных частей статьи 68 Закона. Однако вместе с этим в аспекте относимости постановления Конституционного Суда по индивидуальным обращениям правила четко и созвучно принципу правовой определенности установлены частями 12 и 13 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде”. В результате неверного толкования правовой сущности двух правовых институтов (ретроспективности постановления Конституционного Суда и защиты конституционных прав посредством индивидуальной жалобы) ограничивается возможность защиты в судебном порядке прав правосубъектов, предусмотренных частями 12 и 13 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде”.

Вызывает беспокойство то, что и в дальнейшем Палата по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА, по различным аргументам вновь отказывала в возобновлении дела на основании новых обстоятельств. Это касается не только случаев отсрочки решения посредством установления окончательного срока утра-

ты силы правовых норм, признанных постановлением Конституционного Суда противоречащими Конституции РА и недействительными, но и появления нового обстоятельства в силу признания недействительной неконституционной нормы с момента оглашения постановления.

Встречаются даже такие решения, которые просто явно попирают границы судебного усмотрения. Например, часть 12 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде” устанавливает: “По указанным в настоящей статье делам в случае признания противоречащим Конституции и недействительным положения закона, примененного в отношении заявителя, а также в том случае, когда Конституционный Суд, раскрыв в резолютивной части постановления конституционно-правовое содержание положения закона, признал его соответствующим Конституции и одновременно нашел, что это положение применено к нему в ином толковании, вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру в установленном законом порядке на основании вновь открывшегося обстоятельства”. Статья 204.33 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает: “**Новые обстоятельства** являются основанием для пересмотра судебного акта, если:

1) Конституционный Суд Республики Армения признал примененное судом по данному гражданскому делу положение закона противоречащим Конституции и недействительным либо признал его соответствующим Конституции, однако, раскрыв в резолютивной части постановления его конституционно-правовое содержание, нашел, что это положение применено в ином толковании”.

Содержание первого абзаца этого положения также не подверглось изменению в результате законодательных изменений от 26.10.2011 года. Очевидно, что законодательство РА в данном случае **не требует иного условия реализации права**. Более того, в ряде стран в случае применения в отношении лица неконституционной нормы в обязательства государства входит инициирование восстановления его права и преодоления последствий. В судебной практике РА Палата по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА зачастую возвращает жалобу, просто констатируя, что “... в кассационной жалобе не обосновано наличие новых обстоятельств”. Между тем наличие нового обстоятельства на основании обращения данного лица или в связи с субъектами, предусмотренными частью 13

статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде”, является фактом постановления Конституционного Суда, по которому примененная в отношении них норма признана противоречащей Конституции либо применена в ином толковании, что, по мнению Конституционного Суда, не соответствует конституционно-правовому содержанию данной нормы. Если Конституционный Суд уже принял дело к рассмотрению и вынес аналогичное постановление, то Палата Кассационного Суда не вправе ставить под сомнение это постановление и уклоняться от его исполнения, прибегая к различным подходам.

В отдельных случаях формальный подход приводит к тому, что в судебном акте механически воспроизводится допущенная заявителем ошибка или опечатка. Например, в рамках гражданского дела от 11 января 2012 года 5D4/0644/02/10 в постановлении о возвращении кассационной жалобы говорится об отсутствии оснований для пересмотра предыдущего решения по новым обстоятельствам на основании Постановления Конституционного Суда РА от 15.11.2011 года ПКС-897, и в принятии жалобы к рассмотрению отказывается с такой мотивировкой, что “... подавшие жалобу лица в кассационной жалобе не обосновали наличие нового обстоятельства”. Между тем Постановление Конституционного Суда под упомянутым номером принято 22 июня 2010 года и касается конституционности обязательств, принятых по международному договору.

9. Конституционный Суд находит, что в судебной практике должно делаться разграничение между правовыми условиями, предусмотренными статьями 204.32 и 204.33 Гражданского процессуального кодекса РА. Статья 204.32 Гражданского процессуального кодекса РА в основаниях пересмотра судебного акта в случае вновь открывшихся обстоятельств как обязательное правовое условие рассматривает также то, что подавшее жалобу лицо обязано доказать, что “... эти обстоятельства не были известны и не могли быть известны участвующим в деле лицам либо эти обстоятельства были известны участвующим в деле лицам, однако по независящим от них причинам не были представлены в суд, и эти обстоятельства имеют существенное значение для разрешения дела”. Статья 204.33, однако, не выдвигает никакого правового условия обоснования наличия нового обстоятельства, кроме наличия соответствующих актов Конституционного Суда РА и Евро-

пейского суда по правам человека. Это является необходимым и достаточным условием для возобновления дела. Иной вопрос, что после возобновления дела в рамках рассмотрения возобновленного дела по существу компетентный суд должен определить, насколько применение противоречащей Конституции нормы повлияло на исход дела, являющегося предметом рассмотрения, и как должны быть восстановлены возможно нарушенные права лица. Вместо этого просто ограничивается право лиц на доступность суда.

Неприемлемо и то, что вместо исполнения требования закона Палата по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА в отдельных случаях пытается “толковать” постановления Конституционного Суда и таким образом обойти исполнение их требований, такая практика не следует из требований части 2 статьи 92, а также статьи 93 Конституции РА. Основанием для подобной практики, в частности, послужило также своеобразное толкование положений Конституции РА и Закона РА “О Конституционном Суде”. Палата по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА, вплоть до обхода доктринальных подходов Конституционного Суда, выраженных в Постановлении Конституционного Суда РА ПКС-1010, в решении от 25.12.2012 года по административному делу номер ЧЧ/1314/05/10 отметила, что “...разрешающие спор суды (общей юрисдикции и/или специализированные) в силу определенных открывшихся обстоятельств уполномочены приостановить производство по делу. К таким обстоятельствам относится противоречие, по мнению суда, подлежащего применению закона или иного правового акта Конституции РА”. За этим правомерным замечанием следует вывод, согласно которому “обстоятельство противоречия конкретного положения Конституции РА подлежит оценке со стороны суда (рассматривающий дело судья или состав судей)”.

Статья 71 Закона РА “О Конституционном Суде” (в частности часть 5) предусматривает, что суд для обращения в Конституционный Суд должен представить два обоснования. Во-первых, должен обосновать свою позицию в связи с обстоятельством противоречия Конституции оспариваемого положения нормативного акта. Во-вторых, обосновать то обстоятельство, что разрешение данного дела возможно лишь с применением оспариваемого положения. В первом случае позиция может сформироваться в результате самостоятельного и равно-

ценного правового анализа судьи относительно конституционности нормы. Однако это не может стать предметом судебного рассмотрения, и в ходе него в судебном акте, являющемся результатом “оценки” и принимаемом от имени Республики Армения, не может быть закреплено, что данная норма соответствует или не противоречит Конституции. Это просто будет противоречить требованиям статьи 93 Конституции РА и содержанию материальных и процессуальных норм судебного конституционного контроля. При толковании обстоятельства наличия возможной обеспокоенности в связи с конституционностью применяемой нормы и возможности ее развеивания посредством Конституционного Суда как **правомочия оценки обстоятельства противоречия этой нормы Конституции**, появится повод для самоуправства — косвенно принимая на себя функцию конституционного правосудия и создавая в дальнейшем правовую путаницу. Дело в том, что в решении, принятом от имени Республики Армения, Кассационный Суд может “в результате оценки” выразить правовую позицию, что данная норма соответствует Конституции, тогда как Конституционный Суд, также от имени Республики Армения и в рамках своих конституционных полномочий и соответствующих процессуальных процедур, правомерно признает то же самое положение противоречащим Конституции и недействительным. Естественно, что такая судебная практика не может сформироваться. Однако факт в том, что за последние годы примерно по 60 делам на основании обращений граждан положения законов, фактически примененных судами РА, были признаны противоречащими Конституции РА и недействительными. У судов при применении ни одной из этих норм не появилось беспокойство по поводу конституционности, даже тогда, когда имелись ходатайства об обращении в Конституционный Суд. Это обстоятельство уже само по себе вызывает беспокойство.

Конституционный Суд находит, что возможность судов обращаться в Конституционный Суд, руководствуясь принципом верховенства права, необходимо воспринимать не только как право, но и как обязанность. Без этого, с одной стороны, беспокойство по поводу конституционности нормы не может быть развеяно посредством дискреционного подхода, так как это требует соответствующей процессуальной процедуры “оценки” и конституционного полномочия на ее осуществление, с другой стороны, применение вместо защиты прав людей возможной

неконституционной нормы приведет к нарушению этих прав. Судебная практика также показывает, что их дальнейшее восстановление становится более сложным, а зачастую и невозможным, приводя к утрате доверия к правосудию. Следовательно, проблема не только в дальнейшем повышении дееспособности и эффективности института новых обстоятельств, но и, руководствуясь требованием неукоснительной реализации основополагающего принципа верховенства права, в разумной реализации возможности, предоставленной судам РА пунктом 7 статьи 101 Конституции РА. А это может быть гарантировано при правильном толковании и применении конституционно-правового содержания статьи 71 Закона РА “О Конституционном Суде”. Выражение “находят” в ней необходимо воспринимать как дискреционную позицию, результат правового анализа судьи, обусловленный обоснованным сомнением. Между тем “оценка” предполагает соответствующую процессуальную процедуру и равноценное полномочие ее реализации.

10. Конституционный Суд считает существенным также то обстоятельство, что на этапе принятия дела к рассмотрению Кассационный Суд зачастую осуществляет функцию разрешения дела по существу. Конституционный Суд находит, что законодательство должно более четко разграничить процессуальные процедуры принятия Кассационным Судом дела к рассмотрению и вынесения им решения по существу, а также предъявляемые выносимым решениям требования. Понятие “окончательный судебный акт” также нуждается в уточнении. Его часто путают с актом, вынесенным вышестоящим судом. Если гражданин обратился в Кассационный Суд и последний отказал в принятии жалобы к рассмотрению, это не означает, что данное решение является окончательным судебным актом, такое толкование встречаем в некоторых решениях Палаты по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА, что было также аргументировано в разъяснениях представителя Кассационного Суда РА.

Полная реализация института обжалования необходима для исчерпания всех средств судебной защиты. Если эти средства исчерпаны, то появляется возможность обращения в Конституционный Суд или ЕСПЧ. Пункт 6 части 1 статьи 101 Конституции РА для каждого лица предусматривает три правовых условия обращения в Конституционный Суд:

- когда имеется окончательный акт суда;
- исчерпаны все средства судебной защиты;
- оспаривается конституционность примененного к нему этим актом положения закона.

Конституционная норма касается окончательного судебного акта, а не любого акта, принятого судом последней инстанции в ходе обжалования. Одновременно статья 91 Конституции РА устанавливает, что **“окончательные акты суда принимаются от имени Республики Армения”**. Согласно конституционно-правовому содержанию окончательным актом суда является тот акт, который разрешил дело по существу, законным образом вступил в силу и повлек для лица равноценные правовые последствия. Из подобного подхода вытекает также правовое содержание части 2 статьи 241.11 Гражданского процессуального кодекса РА, согласно которому **“по смыслу настоящего Кодекса окончательным считается вынесенный в установленном настоящим Кодексом порядке судебный акт суда первой инстанции, вступивший в законную силу и не подлежащий опротестованию, судебный акт Гражданского апелляционного суда Республики Армения, вступивший в законную силу и исключаящий начало и продолжение рассмотрения дела, а также судебный акт, разрешающий дело по существу”**.

Конституционный Суд РА считает также, что для преодоления сложившейся в судебной практике путаницы требования, предъявляемые к аналогичным актам, должны быть более четко изложены в законодательстве и полностью соответствовать принципу правовой определенности.

II. Как отмечалось, Конституционный Суд РА относительно предмета правового регулирования статьи, являющейся предметом рассмотрения, выразил свою полную позицию в рамках Постановления от 31 мая 2013 года ПКС-1099. Исходя из нынешней ситуации в правоприменительной практике, Конституционный Суд не находит, что вопросы заявителя по настоящему делу обусловлены конституционно-правовым содержанием части 2 статьи 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА. Наоборот, эта статья предусматривает необходимую гарантию защиты прав, оставив без изменений резолютивную часть **пересмотренного судебного акта** только в том случае, ког-

да это обосновывается вескими аргументами. Это само по себе предполагает, что это должно быть исключением, обусловленным неопровержимыми и вескими аргументами. Это обстоятельство было признано также ответчиком. Вместе с тем для судебной практики понятие “веский аргумент” нуждается в нормативном разъяснении. Последнее закреплено также в других правовых актах (например, в статьях 8 и 426.9 Уголовно-процессуального кодекса РА, статье 15 Судебного кодекса РА и др.). Если судебная практика не проявила должный подход в связи с правовым содержанием этого термина, то законодательный орган также должен сделать соответствующий вывод и на законодательном уровне максимально уточнить правовое содержание понятия “веский аргумент”, так как последнее в данных правоотношениях приобретает решающее значение в вопросе защиты прав лиц и осуществлении конституционного требования их непосредственного действия. Здесь, как отмечалось, существенным является то, что **данный аргумент объективно должен иметь преопределяющее значение для равноценного заключения.**

Факт в том, что сформировавшаяся правоприменительная практика в основном обходит требование статьи, являющейся предметом спора. В результате, судебная практика по применению правового института новых обстоятельств касательно большого числа дел не гармонична конституционным требованиям обеспечения и защиты прав людей. В подобной ситуации Конституционный Суд РА находит, что для гарантирования верховенства права, преданности конституционному принципу правового государства и неукоснительного исполнения требований статьи 3 Конституции РА стержневое значение имеют серьезная реформа в правовом мышлении, продиктованная последовательной реализацией принципа верховенства права в судебной практике РА, и преодоление констатированной Конституционным Судом РА вышеупомянутой ситуации. Только таким путем можно гарантировать верховенство и непосредственное действие Конституции РА.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Часть 2 статьи 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА в части производства по пересмотру судебного акта на основании новых обстоятельств соответствует Конституции Республики Армения по тому конституционно-правовому содержанию, согласно которому:

а) пересмотр судебного акта на основании нового обстоятельства неизбежно должен *ipso facto* (в силу самого факта) привести к отмене судебного акта, применившего неконституционную норму, и/или судебного акта, допустившего нарушение конвенционного права, исключая возможность оставления его в законной силе;

б) возможность неизменения резолютивной части пересмотренного судебного акта касается только нового судебного акта, выносимого в результате нового рассмотрения дела после отмены судебного акта. А обязательное нормативное требование обоснования вескими аргументами обстоятельства неизменения резолютивной части нового судебного акта выступает в качестве необходимой гарантии защиты прав человека.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

18 сентября 2013 года
ПКС-1114

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 73
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА
ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

г. Ереван

8 октября 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), Ф. Тохяна, М. Топузяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

начальника Управления правового анализа аппарата заявителя — Защитника прав человека РА А. Вардеваняна, специалиста того же Управления С. Юзбашяна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА — начальника Управления экспертизы Аппарата Национального Собрания РА С. Юзбашяна, главного специалиста Отдела правовой экспертизы С. Амбарцумян, эксперта Исследовательского и аналитического центра А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия пункта 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 31.05.2013 г. в Конституционном Суде РА обращение Защитника прав человека РА.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом РА 1 сентября 1998 года и вступил в силу 12 января 1999 года.

Пункт 3 части 1 статьи 73 Кодекса, озаглавленной “Права и обязанности защитника”, устанавливает:

“1. Защитник в целях выяснения обстоятельств, опровергающих обвинение, исключая ответственность подозреваемого или обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения, для ограждения их законных интересов, оказания подозреваемому и обвиняемому юридической помощи в установленном настоящим Кодексом порядке имеет право:

3) по предложению органа уголовного преследования участвовать в осуществляемых следственных или других процессуальных действиях; с разрешения органа уголовного преследования участвовать во всех следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по его ходатайству органом уголовного преследования; участвовать в любом следственном или процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного, если этого требуют подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник”.

Со дня принятия пункт 3 части 1 статьи 73 Кодекса не подвергался изменениям.

2. По мнению заявителя, оспариваемые нормы Кодекса противоречат положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА.

Согласно заявителю, касающееся прав защитника регулирование, согласно которому защитник имеет право с разрешения органа уголовного преследования участвовать во всех осуществляемых органом уголовного преследования по его ходатайству следственных и других процессуальных действиях, приводит к ограничению механизмов осуществления этого права в случае, когда подозреваемый или обвиняемый, имея защитника, в рамках следственных действий не требует его участия, а об этом ходатайствует сам защитник. Заявитель считает, что с предоставлением органу уголовного преследования подобных полномочий на практике возможны неуместные и неправомерные ограничения, связанные с участием защитника в следственных и других процессуальных действиях. Согласно заявителю, также не ясно, какую цель преследовал законодатель, предусматривая для защитника как одного из основных участников уголовного производства помеху и/или ограничение в исполнении его обязанностей, а именно "...к началу следственного действия об этом ходатайствует сам защитник".

Для обоснования своей точки зрения заявитель считает необходимым отметить, что в Кодексе отсутствуют четкие условия и/или основания, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, может "не позволить" защитнику участвовать в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника.

На основании собственного толкования термина "к началу" в оспариваемых положениях Кодекса заявитель считает, что указанный термин в буквальном толковании в соответствии с требованиями части 1 статьи 86 Закона РА "О правовых актах" означает, что во всех тех случаях, когда защитник заявляет ходатайство об участии в уже начавшемся следственном действии, подобное ходатайство, согласно оспариваемым положениям Кодекса, должно быть отклонено, так как не соблюдено предусмотренное Кодексом временное требование "к началу".

Ссылаясь на вынесенные по делам "Санди Таймс" против Соединенного Королевства и Марке против Бельгии постановления Европейского суда по правам человека относительно правовой определен-

ности и на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-753, заявитель находит, что термины “с разрешения” и “к началу” в оспариваемых положениях Кодекса не соответствуют принципу правовой определенности и содержат реальный риск разночтений, в результате чего может быть нарушено право лиц на получение юридической помощи и предоставление защитником правовой помощи своему подзащитному в ходе следственного действия может находиться под серьезной угрозой.

3. Сторона-ответчик в основном не возражает против аргументов заявителя.

Обращаясь к аргументу заявителя, согласно которому в законодательстве отсутствуют четкие условия и/или основания, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, может “не позволить” защитнику участвовать в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, сторона-ответчик также констатирует, что закон не указывает те основания, только при наличии которых может быть ограничено право защитника участвовать в следственных и других процессуальных действиях. В связи с этим сторона-ответчик предполагает, что если по закону нет обстоятельств, исключающих участие защитника, то необходимо обеспечить беспрепятственное участие последнего, и высказывает мнение, что ограничения могут касаться таких следственных действий, как освидетельствование (статья 220), личный обыск (статья 229) и экспертиза (статья 248).

Обращаясь к следующему аргументу заявителя в связи с правовой неопределенностью, сторона-ответчик, не исключая необходимость участия защитника не только с самого начала следственного действия, но и в ходе следственного действия, также находит, что оспариваемая норма Кодекса может стать причиной разночтений и основанием ограничения участия защитника в следственных и других процессуальных действиях.

В результате исследования уголовно-процессуальных кодексов стран СНГ сторона-ответчик находит, что они также свидетельствуют, что защитник беспрепятственно участвует в тех следственных и других процессуальных действиях, которые осуществляются при участии его подзащитного или когда инициатором проведения следствен-

ных или других процессуальных действиях является сам защитник или его подзащитный. Одновременно, ссылаясь на конкретные статьи уголовно-процессуальных кодексов ряда стран СНГ, ответчик констатирует, что в указанных странах защитник участвует в следственных и других процессуальных действиях с разрешения органа уголовного преследования.

Подводя итог, сторона-ответчик считает, что предусмотренное оспариваемыми нормами Кодекса правовое регулирование, когда с разрешения органа уголовного преследования ограничивается участие защитника в осуществляемых по его ходатайству следственных и других процессуальных действиях, может стать основанием ограничения права подзащитного на получение юридической помощи, не гарантируя полноценной защиты его прав и законных интересов.

Одновременно сторона-ответчик констатирует, что в Национальном Собрании РА вошел в обращение дополненный вариант проекта Уголовно-процессуального кодекса РА (код документа К-084-14.09.2012, 10.06.2013-ПИ-010/0), предлагаемым которым правовым регулированием будут устранены имеющиеся в Кодексе ограничения для защитника и будет гарантировано беспрепятственное участие последнего в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых и при участии подзащитного, и по ходатайству защитника или его подзащитного. Согласно стороне-ответчику, пункт 3 части 1 статьи 49 проекта, озаглавленной “Права и обязанности защитника”, изложен в новой редакции, согласно которой:

“1. Защитник в целях выяснения опровергающих обвинение, исключających ответственность обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения обстоятельств, а также защиты его прав и правомерных интересов в установленном настоящим Кодексом порядке имеет право:

3) участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного; участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии, осуществляемом по его ходатайству или по ходатайству его подзащитного; в иных случаях по предложению следователя участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии ”.

4. Первый абзац части 1 статьи 73 Кодекса устанавливает стратегические и тактические цели участия защитника по уголовным делам, а именно: выяснение обстоятельств, опровергающих обвинение, исключая ответственность подозреваемого или обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения, и защита законных интересов подозреваемого или обвиняемого, оказание им юридической помощи.

Учитывая цель участия защитника в досудебном производстве по уголовному делу и обусловленную этой целью роль защитника, Конституционный Суд находит, что оспариваемую норму Кодекса необходимо рассматривать в контексте закрепленного первым предложением части 1 статьи 20 Конституции права на получение юридической помощи и закрепленного в части 1 статьи 18 Конституции права на эффективные средства правовой защиты в иных государственных органах.

5. Согласно части 1 статьи 18 Конституции РА “каждый имеет право на эффективные средства правовой защиты своих прав и свобод в судебных, а также иных государственных органах”.

Согласно положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА, “каждый имеет право на получение юридической помощи”.

Часть 1 статьи 43 Конституции РА не рассматривает право на эффективные средства правовой защиты в судебных, а также иных государственных органах как подлежащее ограничению право, а закрепленное первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА право на получение юридической помощи подлежит ограничению только законом, “...если это необходимо для защиты в демократическом обществе государственной безопасности, охраны общественного порядка, пресечения преступлений, охраны здоровья и нравственности общества, защиты конституционных прав и свобод, чести и доброго имени других лиц”.

Статья 18 Конституции дает каждому, в частности, право на эффективные средства правовой защиты в иных государственных органах, чему напрямую соответствует обязанность государства закрепить как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике наличие эффективных средств правовой защиты. То есть на за-

конодательном уровне не должны быть установлены такие правовые механизмы, которые с первого взгляда выступают как гарантии реализации данного правового механизма, однако в деталях регулирования фактически лишают смысла либо ограничивают эти правовые механизмы.

Возвращаясь к закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции, в числе прочего, праву на получение юридической помощи посредством защитника и учитывая то обстоятельство, что указанное право в конечном счете направлено на правовую защиту законных интересов субъектов права в судах и других государственных органах, Конституционный Суд находит, что рассматриваемое право предполагает **полноценность** юридической помощи, что обусловлено **эффективностью** осуществления обязанности предоставления защитником юридической помощи, **учитывая возможность ограничения данного права по закрепленным в части 1 статьи 43 Конституции основаниям**. Именно в соответствии с этим рассматриваемому праву, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции, соответствует обязанность государства гарантировать как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике эффективное осуществление обязанности предоставления защитником юридической помощи, а в случае возникновения каких-либо препятствий предпринимать шаги для их устранения.

Одновременно в рамках рассмотрения настоящего дела Конституционный Суд находит, что для реализации права на правовую защиту в государственных органах и права на получение юридической помощи законодательно могут быть выдвинуты определенные требования либо порядок реализации указанных прав может содержать некоторые формальные условия, которые, однако, не должны быть в таком объеме, чтобы сделать неэффективной реализацию этих прав, исказить их суть или превратиться в такое ограничение права, которое не преследует какой-либо правомерной цели.

6. Оспариваемый пункт 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА предусматривает три ситуации участия защитника в следственных или других процессуальных действиях:

а/ по предложению органа уголовного преследования защитник участвует в осуществляемых следственных или других процессу-

альных действиях. Учитывая обстоятельство закрепления в пункте 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА иных случаев участия защитника, Конституционный Суд констатирует, что рассматриваемый случай касается тех ситуаций, когда следственное или другое процессуальное действие не осуществляется по ходатайству защитника или в его осуществлении не участвует подзащитный;

б/ с разрешения органа уголовного преследования защитник участвует во всех следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по его ходатайству органом уголовного преследования;

в/ участвует в любом следственном или процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного, **если этого требует подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник.**

В связи с правовым регулированием, указанным в вышеупомянутом подпункте “а”, Конституционный Суд считает правомерным обусловить в оспариваемой норме Кодекса участие защитника в следственных или других процессуальных действиях, не осуществляемых по ходатайству защитника или с участием подзащитного, предложением органа уголовного преследования.

В связи со случаем, представленным в вышеупомянутом подпункте “б”, Конституционный Суд констатирует, что законодатель для реализации права на правовую защиту в государственных органах и права на получение юридической помощи выдвинул определенное требование - **разрешение органа уголовного преследования.**

Конституционный Суд учитывает то обстоятельство, что в **Уголовно-процессуальном кодексе РА отсутствуют те основания**, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, вправе не позволить защитнику участвовать в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, что констатирует также сторона-ответчик по настоящему делу, и что в аспекте ограничения конституционного права на получение юридической помощи могло считаться правомерным в контексте оснований, закрепленных в части 1 статьи 43 Конституции. Существенным является также то, что в данном случае речь идет о следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых не по инициативе органа, осуществляющего уголовное производство, а по ходатайству

самого защитника. Конституционный Суд находит, что положение оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, разрешением органа уголовного преследования, в нарушение положений части 1 статьи 43 Конституции, выступает как положение, ограничивающее конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи, и как следствие, ограничивающее конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Более того, подобное ограничение не преследует какой-либо правомерной цели.

В связи со случаем, представленным в вышеупомянутом подпункте “в”, Конституционный Суд констатирует, что законодатель для реализации права на правовую защиту в государственных органах выдвинул определенное требование – **наличие требования подозреваемого или обвиняемого либо ходатайство защитника об участии защитника.**

В связи с этим Конституционный Суд, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, находит, что положение оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых при участии подзащитного, наличием требования **подозреваемого или обвиняемого о таком участии**, также в нарушение положений части 1 статьи 43 Конституции, выступает как положение, ограничивающее конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи и, как следствие, ограничивающее конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Более того, подобное ограничение также не преследует какой-либо правомерной цели.

Что касается положения оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственном или другом процессуальном действии, осуществляемом с участием подзащитного, **представлением ходатайства к началу действия**, которое заявитель оспорил с точки зрения правовой определенности, Конституционный Суд, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, считает необходимым оценить словосочетание к “началу действия” в оспариваемых положениях Кодекса не с точки зрения

его соответствия требованиям правовой определенности, а с точки зрения обязательности ходатайства защитника для участия защитника и временного ограничения его участия в следственном и другом процессуальном действии. В этой связи, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, Конституционный Суд находит, что положения об обязательности ходатайства защитника для его участия и временного ограничения его участия в осуществляемом **при участии подзащитного** следственном или другом процессуальном действии, также в нарушение статьи 43 Конституции, выступают как положения, ограничивающие конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи и, как следствие, ограничивающие конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах, и не преследуют какой-либо правомерной цели.

Кроме того, учитывая то обстоятельство, что согласно другим положениям оспариваемой нормы Кодекса подозреваемый или обвиняемый наделены правом в любое время требовать участия защитника в следственном или другом процессуальном действии, осуществляемом с их участием, то есть в случае отклонения ходатайства защитника, независимо от того, подано ли это ходатайство до начала следственного или другого процессуального действия или после, защитник опять же может участвовать в следственном или другом процессуальном действии, если этого требует подозреваемый или обвиняемый, Конституционный Суд считает, что временное ограничение в оспариваемой норме Кодекса участия защитника в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых при участии подзащитного, также является необоснованным, следовательно, не преследующим какой-либо правомерной цели.

В связи с оспариваемой нормой Кодекса Конституционный Суд находит, что **во всех случаях защитник должен иметь право участвовать в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых с участием подзащитного, без представления какого-либо ходатайства и независимо от того, имеется или не имеется требование подозреваемого или обвиняемого относительно такого участия.**

В связи с этим Конституционный Суд принимает к сведению во-

шедший в обращение в Национальном Собрании РА дополненный вариант проекта Уголовно-процессуального кодекса РА (код документа К-084-14.09.2012, 10.06.2013-ПИ-010/0) и считает заслуживающим внимания правовое регулирование, закрепленное в пункте 3 части 1 статьи 49 проекта, озаглавленной “Права и обязанности защитника”.

7. В результате анализа соответствующих законодательств отдельных стран относительно предмета спора Конституционный Суд констатирует, что закон не обуславливает участие защитника в следственных или других процессуальных действиях проявлением воли органа уголовного преследования и не предусматривает никаких временных ограничений участия защитника в уголовном производстве, тем самым предоставляя защитнику возможность воспользоваться теми правами, которыми наделен подзащитный.

Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что относительно гарантированного статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права на справедливое судебное разбирательство определенные правовые позиции выразил также Европейский суд по правам человека. В частности, Европейский суд по правам человека в постановлении, вынесенном 8 февраля 1996 года по делу *John Murray v. The United Kingdom*, выразил следующие правовые позиции:

“62. ... Особенности применения пункта (с) части 3 статьи 6 в ходе предварительного расследования зависят от особенностей процесса и обстоятельств дела.

63. ... Статья 6 при нормальных условиях требует, чтобы обвиняемому была дана возможность воспользоваться помощью юриста с самого начального этапа полицейского дознания. Тем не менее это право, которое четко не предусмотрено Конвенцией, может быть ограничено правомерной целью. В любом деле вопрос заключается в том, на самом ли деле в свете всего судопроизводства ограничение не лишило обвиняемого справедливого судебного разбирательства”.

Рассматривая оспариваемую норму в свете вышеупомянутых правовых позиций Европейского суда по правам человека, сопоставляя ее с нормами, регулирующими подобные правовые отношения в иных государствах, Конституционный Суд находит, что установленные ими

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РА

правовые регулирования содержат реальную угрозу несоразмерного ограничения прав.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 8 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Признать пункт 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА в части закрепленных в нем формулировок *“с разрешения органа уголовного преследования”* и *“если этого требуют подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник”* противоречащим части 1 статьи 18, положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20, и положениям части 1 статьи 43 Конституции Республики Армения и недействительным.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**8 октября 2013 года
ПКС-1119**

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 17 ГРАЖДАНСКОГО
КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА
АРТУРА ХАЧАТРЯНА**

г. Ереван

5 ноября 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна (докладчик), А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителей заявителя А. Зейналяна, А. Казаряна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА С. Амбарцумян, ведущего специалиста того же Отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Артура Хачатряна”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 03.04.2013 г. в Конституционном Суде РА обращение гражданина Артура Хачатряна.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Гражданский кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский кодекс РА принят Национальным Собранием РА 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 28 июля 1998 года и согласно принятому Национальным Собранием РА 17.06.1998 г. Закону РА “О введении в действие Гражданского кодекса Республики Армения” вступил в силу с 1 января 1999 года.

Оспариваемая часть 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА устанавливает: “Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)”.

После принятия в часть 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА изменения и дополнения не были внесены.

2. Краткая процессуальная предыстория дела сводится к следующему. 28.06.2010 г. Вардан Хачатрян представил в суд общей юрисдикции первой инстанции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана РА иск против Республики Армения в лице Министерства финансов РА “О требовании возмещения ущерба”, по которому потребовал возместить причиненный ему материальный ущерб, а именно сумму, выплаченную его представителям за представление его в судебных инстанциях и в Конституционном Суде РА, все налоги, исчисляемые с этой суммы, а также причиненный ему нематериальный (моральный) ущерб, обосновывая это тем, что “Вар-

дан Хачатрян, кроме причиненного ему реального ущерба, испытал также иные переживания, ожидая разрешения своего дела в судебном порядке. Эта неопределенность, длившаяся с момента обращения в суд общей юрисдикции до вынесения судебного акта Конституционного Суда РА, применение судами в отношении него положений закона, противоречащих Конституции РА, нарушение его права на справедливое судебное разбирательство вызвали у него душевную тревогу и беспокойство. Вардан Хачатрян не испытал бы этой душевной тревоги и беспокойства (последствие), если бы его право не было нарушено (причина). Налицо причинно-следственная связь”.

Суд общей юрисдикции первой инстанции своим решением от 15.07.2012 г. “О принятии к производству искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству” принял иск к производству.

После смерти Вардана Хачатряна суд общей юрисдикции своим решением от 28.09.2011 г. “О возобновлении производства по гражданскому делу и назначении судебного заседания” признал Артура Хачатряна правопреемником истца Вардана Хачатряна по делу ЁԿԴ/1320/02/10 и своим решением от 02.05.2012 г. удовлетворил иск частично, постановив взыскать с Республики Армения в лице Министерства финансов РА в пользу правопреемника Вардана Хачатряна Артура Хачатряна сумму в размере 1.000.000 (один миллион) драмов РА в качестве компенсации за причиненный Вардану Хачатряну материальный ущерб. Иск в части требования взыскания материального ущерба в размере 564.225 драмов РА и суммы исчисляемых в отношении материального ущерба налогов был отклонен. Производство по гражданскому делу в части требования возмещения нематериального (морального) ущерба было прекращено с той мотивацией, что “в отличие от материального ущерба, моральный ущерб не имеет своего регулирования в законодательстве РА”, “суд не может применить институт морального ущерба, пока нет его определения, регулирования в законодательстве, регулирующем гражданско-правовые отношения Республики Армения”, “законодательство Республики Армения, регулирующее гражданско-правовые отношения, не предусматривает возмещение морального ущерба как вид ответственности, вследствие чего спор не подлежит рассмотрению в суде”.

Против вышеуказанного решения была подана апелляционная жалоба со следующим требованием: обязать Республику Армения в лице

Министерства финансов РА выплатить правопреемнику Вардана Хачатряна Артуру Хачатряну компенсацию за причиненный Вардану Хачатряну материальный и нематериальный ущерб в размере 1.564.225 (один миллион пятьсот шестьдесят четыре тысячи двести двадцать пять) драмов РА за материальный ущерб и все виды налогов, исчисляемых с этой суммы, а также эквивалентную 2.000.00 (двум тысячам) евро сумму в драмах РА, — за нематериальный, моральный ущерб. Апелляционный суд своим решением от 26.07.2012 г. удовлетворил апелляционную жалобу частично: отменил решение суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана РА от 02.05.2012 г. в части неудовлетворенного требования о выплате суммы в 564.225 драмов РА от суммы взыскания ущерба в 1.564.225 драмов РА, изменил его и удовлетворил иск в части взыскания 564.225 драмов РА. По остальным частям решение посчитал обоснованным по той же данной судом общей юрисдикции мотивировке: “Законодательство РА, регулирующее гражданско-правовые отношения, не предусматривает возмещение морального ущерба как вид ответственности, вследствие чего спор не подлежит рассмотрению в суде”.

Кассационный Суд решением от 19.09.2012 г. возвратил кассационную жалобу.

3. Заявитель оспаривает конституционность части 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА постольку, поскольку она не включает институт возмещения морального ущерба, считая, что часть 2 статьи 17 Кодекса постольку, поскольку не рассматривает нематериальным ущерб, причиненный лицу в качестве ущерба, противоречит статьям 3, 18, 19, 83.5 Конституции РА. Одновременно заявитель отмечает, что “настоящим обращением оспаривается конституционность правового пробела”. Причем для обоснования поднятого вопроса о допустимости того, чтобы пробел в законе стал объектом конституционного правосудия, заявитель ссылается на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-914.

В обоснование своей позиции заявитель отмечает, что “гарантированные Европейской конвенцией о правах человека право на справедливое судебное разбирательство и право на эффективные средства правовой защиты предполагают, *inter alia*, как рассмотрение жалобы

по существу “компетентным государственным органом”, так и предоставление справедливого возмещения”.

В обоснование своей позиции заявитель ссылается также на постановления Европейского суда по правам человека по делам “Погосян и Багдасарян против Армении”, “Хачатрян и другие против Армении”, “Комингерсол С. А. против Португалии”, отмечая, что в вынесенном по третьему из упомянутых дел постановлении Европейский суд по правам человека установил, что “при разрешении вопроса возмещения постановлением учитывается материальный вред, то есть реальный вред, который является прямым следствием заявленного нарушения, и моральный ущерб, то есть тревога, беспокойство и состояние недоверия, наступившие в результате нарушения, а также иной нематериальный ущерб”.

4. Сторона-ответчик находит, что часть 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА в контексте нынешних правовых регулирований соответствует требованиям статей 3, 18, 19 и 83.5 Конституции РА.

В обоснование своей позиции ответчик, ссылаясь на установленные статьей 14 Гражданского кодекса РА способы защиты гражданских прав, включая возмещение ущерба как способ защиты гражданских прав, а также положение статьи 162 того же Кодекса, касающееся понятия нематериальных благ, согласно которому нематериальные блага в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами защищаются в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этих нарушений, констатирует, что хотя в Гражданском кодексе РА нет прямого упоминания о моральном ущербе, однако он применяется при защите чести, достоинства и деловой репутации от порочных действий иных лиц. Ответчик констатирует также, что вместе с тем указанное обстоятельство не свидетельствует о полном внедрении института материальной компенсации морального ущерба, так как Гражданский кодекс РА не рассматривает моральный ущерб как разновидность ущерба.

Обозначив необходимость внедрения института возмещения морального ущерба с точки зрения полноценной защиты прав и эффек-

тивного восстановления нарушенных прав лица, заявитель высказывает мнение, что проблему невозможно решить исключительно включением понятия “моральный ущерб” в статью 17 Гражданского кодекса РА, так как это требует внедрения отдельного института материального возмещения морального ущерба, который будет включать детальное регулирование вопросов относительно понятия “моральный ущерб”, круга и оснований применения этого института, четких механизмов исчисления морального ущерба и в целом относительно иных вопросах, обеспечивающих неискаженное применение этого института.

5. Конституционный Суд РА в своих Постановлениях от 05.02.2010 года ПКС-864 и от 14.09.2010 года ПКС-914 выразил правовые позиции относительно правовой возможности рассмотрения Конституционным Судом вопроса конституционности пробела в законе. В Постановлении Конституционного Суда ПКС-864 установлено, что “Конституционный Суд в рамках рассмотрения дела обращается к конституционности того или иного пробела закона, если обусловленная содержанием оспариваемой нормы правовая неопределенность в правоприменительной практике приводит к такому толкованию и применению данной нормы, которое нарушает или может нарушить конкретное конституционное право”.

Постановлением Конституционного Суда ПКС-914 установлено, что “законодательный пробел может стать предметом рассмотрения Конституционного Суда только в том случае, когда законодательство не имеет иных правовых гарантий восполнения этого пробела, или в случае наличия в законодательстве соответствующих правовых гарантий сформирована противоречивая правоприменительная практика, или когда имеющийся законодательный пробел не обеспечивает возможность реализации того или иного права. При других обстоятельствах вопрос конституционности пробела правового регулирования не подлежит рассмотрению Конституционным Судом”.

Учитывая позицию заявителя и принимая за основание выраженные Конституционным Судом в Постановлениях ПКС-864 и ПКС-914 вышеупомянутые правовые позиции, Конституционный Суд находит, что к вопросу оценки конституционности оспариваемого положения Кодекса необходимо обратиться со следующих точек зрения:

а/ на самом ли деле в правовой системе РА существуют институт морального ущерба и правовые основания возможности материального возмещения подобного ущерба;

б/ на самом ли деле в силу принятых Республикой Армения международных обязательств Республика Армения обязалась предусмотреть в национальной правовой системе возможность материального возмещения нематериального (морального) ущерба.

6. В аспекте вышеперечисленных вопросов Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что конституционно-правовое содержание ряда положений Конституции РА свидетельствует о том, что моральный ущерб и возможность материальной компенсации морального ущерба следуют из конституционно-правовых подходов к вопросу защиты прав человека. Так, часть 1 статьи 3 Конституции РА устанавливает, что “человек, его достоинство, основные права и свободы являются высшей ценностью”. В связи с этим Конституционный Суд находит, что одним из стержневых элементов достоинства человека, в числе прочего, является обусловленное индивидуальными признаками предотвращение нравственных страданий. Статья 16 Конституции, в свою очередь, гарантирует личную свободу и неприкосновенность личности. Четвертой частью указанной статьи установлено, что “каждый в случае незаконного лишения свободы или незаконного обыска имеет право на возмещение причиненного вреда по основаниям и в порядке, установленным законом”. В связи с этим Конституционный Суд находит, что причиненный лицу вред в случае незаконного лишения свободы или незаконного обыска не может механически привести к возмещению морального или физического вреда, поскольку предоставленное в данном случае потерпевшему возмещение не будет равноценно его душевным страданиям. Обращаясь в данном контексте к регламентированиям статьи 17 Конституции РА, согласно которой “никто не должен подвергаться пыткам, а также жестокому обращению либо унижающему его достоинство обращению или наказанию”, Конституционный Суд находит, что пытки, жестокое обращение либо унижающее достоинство обращение или наказание не могут не сопровождаться душевными и нравственными страданиями, которые могут быть даже сильнее, чем причиненный вследствие этого возможный физический (телесный) вред или мате-

риальный ущерб, и без разумного и справедливого возмещения которого невозможно полностью возместить вред, причиненный лицу и его достоинству. В противном случае невозможно будет гарантировать защиту человека, его достоинства, основных прав и свобод, провозглашенных Конституцией высшими ценностями.

7. В рамках рассмотрения настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым также констатировать, что рядом нормативных правовых актов Республики Армения предусмотрены соответствующие положения о материальном возмещении причиненного морального ущерба. Так, в различных нормативных правовых актах РА содержится термин “моральный ущерб”. В частности, статьей 268 Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях установлено, что “потерпевшим является лицо, которому вследствие административного правонарушения причинен моральный, физический или имущественный вред. Термин “моральный ущерб” закреплен также в ряде положений Уголовно-процессуального кодекса РА, в частности в пункте 45 статьи 6, в котором термин “вред” рассматривается как “моральный, физический и имущественный ущерб, подлежащий денежному измерению”. Часть 1 статьи 58 того же Кодекса, давая определение термина “вред”, закрепляет, что “потерпевшим признается лицо, которому запрещенным Уголовным кодексом деянием непосредственно причинен моральный, физический или имущественный вред. Потерпевшим признается также лицо, которому мог быть непосредственно причинен моральный, физический или имущественный вред, если бы совершение запрещенного Уголовным кодексом деяния было окончено”. Часть 1 статьи 104 Закона РА “Об основах администрирования и административном производстве”, озаглавленной “Основания и порядок возмещения неимущественного ущерба”, устанавливает, что “в случаях ограничения свободы физического лица, нарушения его неприкосновенности, неприкосновенности его жилища, неприкосновенности его личной или семейной жизни, причинения ему неимущественного ущерба посредством опорочения его чести, репутации или достоинства неправомерным администрированием это лицо вправе потребовать возмещения денежными средствами или устранения возникших последствий в размере, равноценном неимущественному ущербу, причиненному неправомерным администрированием”.

Одновременно Конституционный Суд констатирует, что хотя оспариваемая часть 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА не причисляет моральный ущерб к ущербу, тем не менее в пунктах 1 и 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса РА предусмотрена возможность денежного возмещения ущерба, причиненного чести, достоинству или деловой репутации лица: соответственно за оскорбление — до 1000-кратного размера минимальной заработной платы, а за клевету — до 2000-кратного. Причем пунктом II той же статьи предусмотрено, что, устанавливая размер компенсации за оскорбление и клевету, суд не должен учитывать имущественный ущерб, причиненный вследствие оскорбления или клеветы. То обстоятельство, что суд, определяя размер возмещения за причиненный чести, достоинству или деловой репутации лица вред, не учитывается причиненный имущественный ущерб, непосредственно свидетельствует о том, что целью рассматриваемого регламентирования не является возмещение имущественного ущерба. Напротив, оно призвано регламентировать возможности материального возмещения за причиненный лицу моральный ущерб.

Изучение международного опыта также свидетельствует, что регламентирование денежного возмещения вреда, причиненного чести, достоинству или деловой репутации лица, касается именно института материального возмещения морального ущерба (подобный институт предусмотрен, в частности, в законодательствах Российской Федерации, Хорватии, Латвии, Литвы, Эстонии, Словении, Испании и ряда других стран).

Исходя из вышеотмеченного, Конституционный Суд констатирует, что законодательством Республики Армения предусмотрены многочисленные случаи материального возмещения морального ущерба, однако указанный институт полностью еще не регламентирован, что не позволяет обеспечить законодательную гармонию в вопросе случаев, основ и порядка регламентирования материального возмещения подобного ущерба, что, в свою очередь, препятствует эффективной защите гарантированных Конституцией РА прав и свобод. Более того, указанная ситуация не может считаться созвучной положению, закрепленному частью 3 статьи 3 Конституции РА, согласно которому “государство ограничено основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом”.

8. Часть 2 статьи 3 Конституции РА предусматривает обязательство Республики Армения обеспечивать защиту основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права. А статьей 43 Конституции РА предусмотрено, что ограничения основных прав и свобод человека и гражданина не могут превышать пределы, установленные международными обязательствами Республики Армения.

Обращаясь к являющемуся предметом рассмотрения вопросу с точки зрения статьи 3 и части 2 статьи 43 Конституции РА, Конституционный Суд констатирует, что в Республике Армения негармоничное регламентирование материального возмещения причиненного лицу морального ущерба препятствует добросовестному исполнению Республикой Армения принятых международных обязательств. Конституционный Суд находит, что право на материальное возмещение морального ущерба следует как из содержания положений Конституции РА и ряда законодательных актов РА, так и принятых РА международных обязательств, в частности из положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (с Протоколами к ней) и правоприменительной практики Европейского суда по правам человека.

Так, Европейский суд по правам человека в ряде постановлений, вынесенных против Республики Армения, рассмотрел непредоставление материального возмещения за причиненный лицу моральный ущерб как нарушение соответствующих положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (с Протоколами к ней). В частности, постановлениями, вынесенными по делам “Хачатрян и другие против Республики Армения” (жалоба номер 23978/06, 27.11.2012 г.) и “Погосян и Багдасарян против Республики Армения” (жалоба номер 22999/06, 12.06.2012 г.), со ссылкой на внутривластное законодательство непредоставление материальной компенсации морального ущерба было признано нарушением Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. А в постановлении, вынесенном по делу “Погосян и Багдасарян против Республики Армения”, Суд констатировал: “Ранее Суд решил, что возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие нарушения основополагающих положений Конвенции – статей 2 и 3, принципиально должно быть доступно в ряду средств возможной защиты”. В том же постановлении констатировано также, что заяви-

тель по данному делу должен был иметь возможность обращения с требованием о возмещении нематериального ущерба, причиненного вследствие плохого отношения. Суд обратился также к статье 3 Протокола номер 7 к Конвенции, в связи с чем было отмечено, что “Суд повторяет, что целью статьи 3 Протокола номер 7 является предоставление права возмещения лицам, осужденным вследствие судебной ошибки, если впоследствии приговор был отменен национальным судом на основании какого-либо нового или вновь открывшегося обстоятельства”. В том же решении Суд также констатировал следующее: “Что касается вопроса соответствия гарантий, предусмотренных статьей 3 Протокола номер 7, то Суд считает, что хотя это положение гарантирует выплату возмещения в соответствии с законом или практикой данного государства, это не предполагает, что компенсация не выплачивается, даже если национальный закон или практика не предусматривают подобную компенсацию”. Кроме того, Суд, считая, что целью статьи 3 Протокола номер 7 является не только возмещение материального ущерба в случае ошибочного осуждения, но и предоставление нематериального возмещения лицу, осужденному вследствие судебной ошибки, например в случаях изнурения, обеспокоенности, неудобства, потери веры в жизнь, одновременно констатировал, что по данному делу заявителю подобное возмещение не было доступно. Одновременно постановлением, вынесенным по делу “Хачатрян и другие против Республики Армения”, Европейский суд по правам человека, констатируя нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции, установил, что пункт 5 статьи 5 не должен толковаться так, чтобы предоставлялась возможность компенсации только материального ущерба — подобное право должно предоставляться также за любое изнурение, беспокойство, гнев/разочарование, которые лицо может пережить вследствие нарушения других пунктов статьи 5.

Принимая за основание вышеизложенное, Конституционный Суд находит, что неполное регламентирование законодательством РА института материального возмещения морального ущерба не созвучно также принятым РА международным обязательствам.

9. Одновременно, исходя из необходимости защиты прав и свобод человека и обусловленной этим необходимостью обеспечения полноценности регламентирования относительно института морального ущер-

ба, Конституционный Суд находит, что общие критерии и порядок материального возмещения морального ущерба должны быть четко закреплены на законодательном уровне, чтобы в соответствующих случаях и порядке гарантировалось разумное и справедливое возмещение причиненного лицу морального ущерба, обеспечивалась эффективная реализация гарантированных Конституцией РА прав и свобод человека и не создавались препятствия добросовестному исполнению принятых Республикой Армения международных обязательств.

Конституционный Суд принимает к сведению, что, учитывая указанные обстоятельства, Министерство юстиции РА готовит законодательную инициативу Правительства РА о внесении соответствующих изменений в Гражданский кодекс РА, в частности, для гарантирования исполнения вышеупомянутых постановлений Европейского суда по правам человека в отношении Армении.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Часть 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА признать противоречащей части 2 статьи 3, части 4 статьи 16, части 1 статьи 18, части 1 статьи 19, части 2 статьи 43 Конституции Республики Армения и недействительной постольку, поскольку она не рассматривает моральный ущерб как разновидность ущерба и не обеспечивает возможность возмещения морального ущерба, блокируя эффективную реализацию прав лица на доступность суда и справедливое судебное разбирательство, одновременно препятствуя добросовестному исполнению принятых Республикой Армения международных обязательств.

2. Учитывая, что в момент оглашения Постановления признание недействительной нормы, признанной противоречащей Конституции РА в пункте 1 резолютивной части настоящего Постановления, неизбежно приведет к таким последствиям, которые нарушат правовую безопасность, устанавливаемую на этот момент отменой данной нормы, а также учитывая, что необходимо систематизированное законодательное регламентирование института материального возмещения мораль-

ного ущерба, в которое, в частности, будут включены положения о понятии “моральный ущерб”, о рамках и основаниях применения этого института, четком порядке исчисления морального ущерба и других вопросах, в соответствии с частью 3 статьи 102 Конституции РА и частью 15 статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде” окончательным сроком утраты правовой силы части 2 статьи 17 Гражданского кодекса РА установить 1 октября 2014 года.

3. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**5 ноября 2013 года
ПКС-1121**

ВЕСТНИК КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Телефон 58-81-89
E-mail: armlaw@concourt.am.
<http://www.concourt.am>.

Подписано к печати 11.07.2014
Формат 70x100 1/16
Тираж 300 экз

Издается при содействии Центра конституционного права РА